

Анна Груздева

ВЕРХОМ НА ВРЕМЕНИ

*ВОСПОМИНАНИЯ
с авторскими иллюстрациями*

Рига
ЛОРК
2013

Анна Груздева

ВЕРХОМ НА ВРЕМЕНИ

ВОСПОМИНАНИЯ
с авторскими иллюстрациями

Анна Груздева. Верхом на времени.

Рига.
ЛОРК
2013
©

Рига
ЛОРК
2013

Край мой родной – Балахчин

Если взглянешь на карту, где сходятся Западная Сибирь с Восточной, увидишь, что это населенный пункт с населением в несколько десятков тысяч человек. Можно сказать, что это глушь, какой-то закоулок меж гор и тайгой. Зато, какой закоулок! Это юг Красноярского края, отроги Алтайских гор, Саяны.

Закоулок этот богат кварцем. А где кварц, там и золото. Балахчин – рудник. Живописное место! Смотрю в словарь Даля – может, открою суть названия рудника. Балас – камень, шпинель; балахна – ворота; балахтать – выливать; чин – устроенный порядок; балаган – сарай, шалаш. Ясно: Балахчин – ворота в подземельное царство камней (шпинели); порядок устроен так – добывают золото, промывают и отправляют чистое золото куда-то по назначению.

А кто здесь живет? «Золотопромышленники», их семьи...

Въезжаю в долину. Долина – это не теснина между гор, не ущелье; это пространство между пологой Лысой горой (гора покрыта только травой, ни кустика, ни деревца) и тайгой. В центре долины – Андат, берега этой речки в зарослях жимолости, красной смородины. Здесь и моют золото. А напротив – тайга. Вся левая часть Енисея – тайга, таинственный мир. Каких только легенд не сочиняли люди о ней! Заблудиться легко: кедры, пихты заслоняют небо; идешь по тропинке, вдруг она приводит в овраг, заросший чертополохом, сорной травой – дальше нет пути; ищешь тропку-другую – попадаешь в еще более страшную чащобу: кедры завалены трухлявыми колодами, пнями, хворостом; «одни только перелетные птицы знают, где кончается тайга», как писал А.П.Чехов.

Но мы ходили в тайгу. Зачем? О! Тайга богата кедровыми шишками! На рынке у нас сейчас самые дорогие орехи – кедровые –14 латов килограмм. Старшие ребята влезают на кедр (а бывают кедры в два обхвата), устраиваются покрепче на крепком суку и трясут палкой ветки – шишки падают. А мы, младшие, собираем их, складываем в мешок. Дома лакомимся: шишки раскрывали, орешки вынимали, слегка поджаривали – вкусно! А еще вкуснее, если шишки сварить. Шишка, ароматная от кедровой смолы, разваливается в неге, бери орешки, они мягкие, вкусные! Мой кузен Вениамин был мастак лазать на кедр. И в 70 лет давал фору молодым! В школе у нас отличникам и хорошистам каждый день давали бесплатно сладкую булочку. Брат Вениамин получал ее не раз – он умел не только шишки сбивать, но и хорошо учиться.



Кедровая шишка.



Сваренная шишка, оро-
шатная от кедровой смолы,
разваливается в руке, бeries
орехики, мягкие, вкусные!



... Устраивается
на добром сучке ч
пакою сливает
с ветки шишки.

- Кедр -

Рудник Балахони.
Тайга.
Кедровая.

* * *

Вот в этой-то глуши еще в 18 веке началось освоение недр. Здесь были сланцы, кварцы, окремелые порфиры (алтайские яшмы). Кварцы применялись и применяются в промышленности, в быту. Кварцы ценились и в культовых предметах, в амулетах. Однажды прочитала в старинном русском лечебнике запись: «Аметист мысли лихие удаляет, отгоняет пьянство, окорм гасит, добрым разумом делает, не допускает того, кто его носит, в памяти отходить». И как же не добывать кварцы!

В 20-30-ых гг. прошлого века в этих местах обнаружили золото. Там, где для глаза кончается тайга, – горы, а ближе к населенному пункту – развалины гор, возможно, когда-то здесь была руда, кварцы. Сюда мы ходили за малиной. Сколько ее! Сладкой, крупной! А там, высоко – шла работа – добывали золото. Работали мужчины, женщины; большинство из них – ссыльные. Они «рыли золото в горах», промывали в реке Андат; вечером возвращались в бараки на улице Таежной (у самой тайги), подальше от центра. Одеты в брезентовые одежды, уставшие, хмурые, шли молча. Днем их никто не видел. Мой папа до войны работал на шахте мастером (назывался десятником); в 1936 году он был награжден серебряными часами (карманными, с цепочкой). На оборотной стороне гравировка: «Стахановцу Василию Семеновичу Стуколову. 1936 г.». В районной газете писали о нем и о стахановках, выполнивших норму добычи руды на 200% – Курдюковой Анне Владимировне и Авдеевой Клавдии. После войны мужчин на шахтах было мало; про иных говорили – власовцы, а работниц называли шахтерками. Завальщицы, обработчицы, пока они шли домой (если работали ночью, возвращались домой рано утром) робы на них зимой застывали; на ногах у них были ботинки из деревянной подошве, называли их колодками.

Во время войны работали на отвалах. Ближе к руднику была обогатительная фабрика, здесь-то добыча из шахт превращалась в слитки золота. При обработке руды применялась какая-то химия, работа считалась вредной, через десять лет такой работы – на пенсию. Руду доставляли на фабрику в вагонетках.

Охранником на шахте был некто Баранов, нашли у него дома золото, получил он за это 11 лет (в 1945 г.). А золото у нас можно было запросто купить в магазине «Золотоскупка», что-то вроде ювелирторга.

* * *

Речка Андат – приток реки Чулым, впадающей в Обь. Мы, мальчики, купались в ней. Глубина – по пояс, но мы ныряли с бревна-мостика. Речка была желтая, «золотая», дно песчаное; мы искали на дне золотинки! Не находили… А берег землистый, осенью и весной – грязь, надо иметь сапоги резиновые или галоши. К зиме эта узкая мелкая речка терялась уже за рудником, разливалась так, что не видно ни конца, ни края! Раздолье,

простор! Катись до океана… Мы привязывали коньки (были снегурки – с загнутым концом впереди, и ледяные – прямые) к валенкам и катились; катимся, катимся, веселые, не думаем, что надо возвращаться… Но вот руки окоченели, сил уже нет, добираемся кое-как, руки – в воду – о, как больно! Однажды вернулись, дом на замке; соседский мальчишка Витька Мажугин (из большой зажиточной семьи, у них дом с забором был) говорит мне – лизни замок! – Лизнула… Подняла рев! Кожа содрана с языка… Несколько дней было трудно есть.

Машин на руднике мы не видели. Впервые увидели, когда молодых ребят, мужчин увозили на войну в 1941 году. А так – всё на лошадях, на них привозили из леса, который был далеко, дрова, сено. Вспоминаю, как мы, ученики 3-го класса, складывали в лесу напиленные, нарубленные дрова в сани – рабочих не было. Груженые лошади шли медленно. Летом можно было увидеть, как парень лихой едет верхом, и, чтоб привлечь к себе внимание, гонит лошадь вскачу. Ему кричали: «А можешь во весь опор?» – «Могу!» И гнал лошадь полным галопом; говорили – он галопирует! У соседа Михаила Титова была лошадь. Гордо говорил: моя гнедая! (Гнедая – то есть темно-рыжая, еще темнее – грива и хвост). У него были розвальни. Его старший сын брал эти розвальни, нас человек шесть шли на Динамитную гору (говорили, что там производят динамит; возможно, динамит нужен на прииске). Итак, парень садился впереди – «рулил», мы усаживались, крепко держась, иначе на выраже выпадешь; катимся вниз долго-долго, до самой ледяной реки Андат! Весело, страшно, азартно!

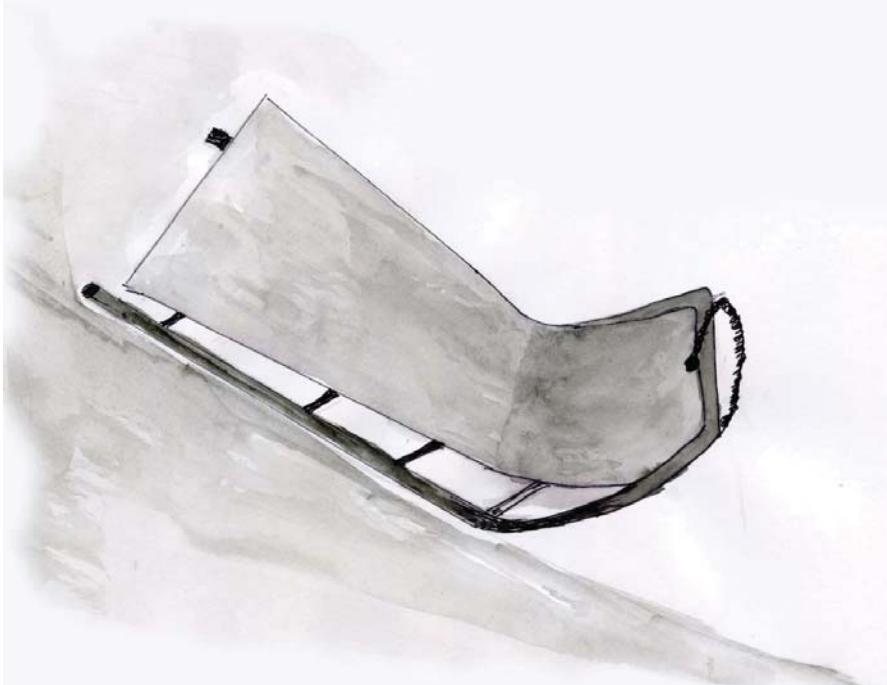
Достопримечательный был дом – Квасоварка (так мы говорили; конечно, было и официальное название), там варили квас, что-то еще; нас угождали сладкими сухарями, мягкими (их называли как-то, квасники, что ли). Была еще артель, где делали горшки из глины; мы тоже во дворе делали из кирпичей печку, жгли палочки и обжигали свои глиняные вазочки, чашки. Трудоемкая была работа!

Еще в памяти – небольшой домик-теремок, какие рисуют в книжках: резные наличники на окнах, над дверью – резное украшение с коньком – он «зазывал» к себе. Была там только однажды. Сидела за высоким столом, ела мороженое из вазочки красивой ложечкой. Такого десерта не ела до 60-х годов!

Все постройки – деревянные. Летом бегали босиком по тротуарам, играли в классики, сколько заноз впивалось в ступни!

В Балахчине был у нас большой универмаг, два магазина – хлебный и бакалейный, хлебопекарня, колбасная, квасоварка, о которой я уже говорила. Была больница, большая, около нее – в небольшом домике – прачечная: стирали, шили, чинили белье; рядом – склад для продуктов. В больнице было четыре хирурга (на один-то рудник)! Один из них – Генрих Иванович, ссыльный, жил с 14-15-летней дочкой Луизой, жены не было, в

Бадахчин (1940-41).
Человек шесть, семь усаживались
в розбарни и катились с Динамитной
горы до р. Андат! Было весело, страшно,
зарято!



школу дочка не ходила (когда-то, при каких-то обстоятельствах, видно, лишилась рассудка). Как мне нравился этот Генрих Иванович! – солидный рослый, так аккуратно одетый...

Одна из моих двоюродных сестер сильно заикалась; совершенно вылечила ее от этого недуга ссылочная, откуда-то из Прибалтики, работала в больнице. Среди ссылочных были у нас не только прибалты, но и чеченцы, калмыки...

Недалеко от больницы – двухэтажная школа, десятилетка; чуть подальше – начальная школа, еще одна начальная – около р. Андат. В центре – ресторан, в фойе его – шкафы с посудой. Я ходила сюда, смотреть посуду: тарелки, чашки красивые, одно большое блюдо необычайной красоты!

На руднике было две библиотеки: одна в клубе, другая в школе. Клуб большой – на 450 мест; сцена полукруглая, оркестровая яма. Когда старшеклассники ставили «Сказку о рыбаке и рыбке» – эта яма была морем, в котором плавала Золотая рыбка. Старика в этой пьесе играла моя двоюродная сестра Эмилия. В газете писали об этом спектакле, о Старике говорили, что эта девочка будет артисткой. После школы поехала Эмилия в Минусинск – учиться на артистку в Культпросветшколе; но потом закончила Пединститут, работала учителем истории.

В клубе выступали приезжие артисты, приезжал даже Карандаш, смешил нас, певица пела «Бьется в тесной печурке огонь». Там мы впервые увидели лилипутов, удивил нас их голос. Кино было редко. Проводились в клубе праздничные мероприятия, концерты учеников.... Посвящены они были литературным событиям: 145 лет со дня рождения А.С.Пушкина, 130-летие Мих. Юр. Лермонтова, поэтические вечера. Десятиклассники ездили со своими концертами по районным клубам, на их концерты продавали билеты... На эти заработанные деньги артистов кормили обедом – в ресторане!

* * *

Моя обязанность – ходить за хлебом. Однажды стою в очереди, а мальчишка плюнул на меня. Я растерялась, он выхватил хлебные карточки! Убежал. Мне было так ужасно от этого! Да и карточки жалко. Но мама сказала, что карточки только на один день, не на месяц, не плачь.

Мама иногда говорила: «Анька, тебя посыпать за чем-нибудь, как за смертью: то не дождешься тебя, то тебя собака кусает, то на тебя пллюют. Ты посмотри на Галю: все быстро делает – раз-раз – пол уже вымыт!» – «А я зато углы под кроватью все чишу. И золу из поддувала вынесу на огород, сама говорила – это удобрение!»

Летом мыла узкий тротуар от дома до баньки; обычно это делала по субботам: мама придет с работы, увидит – ай, молодец! – скажет.

И можно идти в баню и из нее босиком, если корова не успеет залить тротуар своими «лепешками». От этого тротуара, от хвалы – так сладко на сердце! Работали и играли: лапта – самая любимая игра; а если играли в войну – меня старшие брали в качестве разведчика – маленькая и быстро бегала. Вот зимой ползешь – вдруг в лоб замерзший навозный комок – больно, но ползешь... Сестра Галя – за Махно, моя подружка – ее есаул. В сарае шли «допросы»... Летом играли в тимировскую команду: под одной крышей привязывали веревку, на нее подвешивали металлические банки (они у нас были из-под консервов, которые во время войны присыпали американцы). Дозорный созывал всех, колотя по этим банкам палкой. На звон мы сбегались!

Лет в шесть устроила дома лечебницу: под стол, закрытый со всех сторон скатертью, приходили «больные».

– Спина болит? Ложись!

Сняв кофточку, майку, «пациенты» ложились на живот. Банки (они у нас были) смазывала чернилами, обжигала спичкой, клала на спину, прикрывала.

– Все, лежи!

Почему чернилами? Видела, как банки смазывали чем-то (не знала, что спиртом), а когда подносили к ним спичку, то горел фиолетовый огонь. А чернила были фиолетовые!

Приходили лечиться 2-3 подружки. Однажды мама одной из них говорит моей маме:

– Тася, твоя Анья все майки перепачкала чернилами, ставит банки, перепачкала так, что не отстираешь!

Закончилось мое врачевание. А стирали тогда без мыла – не было его – золой древесной. Чисто-чисто стирали!

Почти у каждого дома был огород. Росли там – лук, чеснок, репа, морковь... А когда цветет картошка – чудная картина! Цветочки белые, розовые, бледно-сиреневые. Говорили – цветочки белые – и картошка будет белая, рассыпчатая! А сколько черемухи! – «И весь в черемухе овраг!» В Троицу цветущей черемухой украшали какой-нибудь уголок в комнате – много ее нельзя – сильный запах, голова может заболеть. А сколько цветов! Ирисы, колокольчики... «Колокольчики мои, цветики степные! Что глядите на меня, темно-голубые?» У нас – не степь, но колокольчики были. Здесь и Иван-чай, белоголовник, зверобой – их заваривали вместо чая; а из валерианы заварку пили: чашку такого чая-настоя попьешь полгода-год – и надолго успокоишься! А саранки! Лепестки, как у лилии, с сильным ароматом; в одном цветке несколько оттенков: желтоватый, фиолетовый, красноватый... – «И цвета яркого саранки, мгновенно сникшие в руках».

Почему-то никак не использовали лопухи, а их – тыма! Говорят, полезны для здоровья. В конце мая на Лысой горе рвали кукушкины

Рудник Балахчин
(добыча золота в с.)
1930-1953 год



И цвета яркого
саранки...



Кукушкины
слезки.



Кукушкины слезки

из ягод
желдорости
делали
бусы (стекло)!
красили губы!



слезки, кукушкины сапожки и делали из них ДУХИ: превращали цветочки в пюре, заливали водой, наполняли пузырьки, настаивали дни четыре – и готовы ДУХИ! А жимолость! Это кислая ягода фиолетового цвета. Надкусишь слегка ее – и крась губы! А если иголкой дырочку проколоть, нанизать на нитку – получатся бусы – настоящий аметист!

Огнем земля полным полна...
Н.Рубцов

Началась война. Великая Отечественная. В войну пострадала каждая семья. Прощаясь с родными, все думали: мы вас встретим. Утомленных, нецелых – любых, только б не пустота похоронных. Не предчувствия их!

У мамы было пять братьев – все ушли на фронт. Четверо не вернулись. Один дядя Леня вернулся, раненный, контуженный. А было ему тридцать лет. Всю войну прошел рядом с другом Афоней; вернулись они – и за работу. Как дядя Леня работал! Как у Некрасова Яким Нагой – «он до смерти работает, До полусмерти пьет». Родные решили его женить. Была на руднике 25-летняя девушка Надя, некрасивая, но с большими черными глазами, мастерица-портниха. Без любви женился дядя Леня, пора. Всю жизнь называл ее венчалочкой: надо идти домой – венчалочка ждет к ужину.

Работал дядя Леня с Афоней на лесоповале. Неделя в лесу, в выходной – баня. После бани – выпивали и шли драться. На улице Таежной жили в бараках старатели-ссыльные, в большинстве – «враги народа»... С ними-то и шла кровопролитная драка. – «А, враги! Мы с фашистами воевали, а вы здесь», – и – весь запас слов... Побеждали обычно те, барабанные. Возвращался дядя Леня домой после бани в грязи, в крови, возбужденный, недовольный... дети в испуге разбегались, как от черта – так был страшен! В 62 года настигла беда. Вышел на пенсию – отдытай, труженик-воин! Попросили его научить молодого парнишку управлять трактором. Дня через два навестил всех родных, пошел помогать. Что-то не то нажал тот парень – и трактор раздавил отважного солдата, прошедшего всю войну... Афона плакал: «Всю войну с ним! Помогал хирургу собирать косточки моего раненого друга, а теперь – и собрать нечего».

* * *

Запомнился рудник ужасной картиной. В 1944 году завезли и оставили на улице около речки Андат калмыков. В этом году кого только не лишали крова!

В «Истории КПСС» 1960 года издания писали: «С начала 1930 по конец 1932 г. выселиено 240 757 кулацких семей». Но, кажется, правильнее

было бы: раскулачено около десяти миллионов, брошено в тюрьмы, выслано на голодную смерть – мужчин, женщин, стариков и детей.

Приходила к нам одна калмычка, звали ее Маруся, просила есть. Когда я была одна дома, давала ей что-нибудь из еды. Однажды на плите стояла кастрюлька с картошкой-пюре для меня. Говорю: «Ешь, Маруся». С жадностью ела она этот теплый мой завтрак, вдруг засмеялась. Впервые увидела ее веселой. Оказывается, ложкой она выскребла «сало», а это была ватка, которой мама заткнула дырочку на дне кастрюльки. Несколько дней приходила, один раз попросила что-нибудь из одежды.

– Смотри, Маруся, это мое пальто, это сестры, это... Нечего тебе дать. Спрошу у мамы.

– Нет, не спрашивай. Спасибо за картошку!

Ничего не клянчила, благодарила за кашу, за лепешку. Неожиданно ее визиты закончились. Мама спросила:

– К тебе ходит калмычка?

– Да. Она хорошая.

– Больше не пускай!

Маруся снова пришла. Дала ей картошку и сказала:

– Больше не приходи, мама не разрешает.

– Дай посидеть у тебя!

Я дала ей еще картошки и, кажется, чулки.

– Теперь уходи, меня будут ругать!

Кое-как ушла. А мама, придя с работы, сердито сказала:

– Опять она была? Соседи мне сказали, что была! Смотри, черномазая, не пускай ее!

Но пришла Маруся опять! Так страшно было – увидят, наверное, соседи. Дала ей картошку, которая была на плите, и говорю;

– Быстрее уходи!

Наверное, увидела мой страх, больше не приходила. А вскоре все калмыки исчезли, была уже осень, должно быть, кто-то на улице погиб от голода, холода, кого-то куда-то дальше отправили... Давно в Москве увидела около гостиницы поэта калмыцкого Давида Кугультинова. По телевизору он говорил, что мальчиком был в ссылке с матерью... И невольно подумала тогда, может, та Маруся – его мать?..

Да, это было в 1944 году. Мама, конечно, с сочувствием относилась к этим несчастным людям. Но помочь невозможно: сосланным было запрещено помогать. Рудник не так велик, чтобы не заметить тех, кто помогает. И в памяти маминой были лихие времена, не обождавшие ее семью. После восстания в Польше 1863 года началась расправа с мятещиками. Среди ссыльных был и Иннокентий Высоцкий, мой далекий прадедушка. В сибирском селе было пять польских дворов, по-хозяйски устроенных. Женился Иннокентий на Марфе Дмитриевне. Она – любимая мамина бабушка – по рассказам мамы, – тоже была из семьи ссыльных.

Как ее семья мордовская оказалась в Сибири? О досибирской жизни Марфы Дмитриевны, жаль, ничего не знаю.

Купили коня, построили дом. Иннокентий сам украшал дом: резные наличники на окнах, дверях, крылечко... дома у них, рассказывала мама, чай пили из чашек, непременно с блюдцами. Был у них один сын – Василий, мой дедушка. Иннокентий умер рано – в сорок три года. Все хозяйство теперь вел сын. В 1905 году он женился на Александре Борисовне Заплюшкиной, любили друг друга, семья была большая, дружная: десять детей (двоих умерли в детстве): пять мальчиков и три девочки. С Первой мировой войны Василий Иннокентьевич Высоцкий, мой дедушка, вернулся с Георгиевской медалью. Этую медаль дедушкину, мамино свидетельство с портретом царя – об окончании 4-го класса, добро семейное – забрали при раскулачивании. Дедушку с бабушкой, их сыновей – Мефодия и Геннадия выслали «из Сибири в Сибирь»... «Сколь изведано горя и трат...» Сохранилось письмо от 22 августа 1931 года, написанное на листочке карандашом. Александра Борисовна пишет дочери: «Тася, Фотя начал писать письмо, но не мог – заплакал; хочет убежать от неволи, но куда убежишь – везде тайга. Тася, присмотри за младшими. Может, удастся с кем-нибудь переслать нам одежду – замерзаем в тайге, недоедаем, заживо помираем». Вернулась она одна, больная, и вскоре умерла, весной 1936 года. Позднее вернулись сыновья с отцом. А тут и 22 июня 1941 год. В первые месяцы войны погибли Мефодий с Геннадием. Где они?.. «Мы, где корни слепые Ищут корма во тьме». В 1944 в октябре в Карелии погиб мой дядя Иван Васильевич Высоцкий, отец Валентины и Эмилии, Вениамина. Мне удалось разыскать его через Военный архив в г. Подольске, спасибо сотрудникам архива. Лежит Иван Васильевич на Братском кладбище в г. Никель. В 1988 году его навестила Эмилия. Кладбище в отличном состоянии!

На памятнике написано: «И.В.Высоцкий погиб, сражаясь за город Никель».

В мае 1945 года погиб самый младший, 19-летний Аркадий Высоцкий. Вернулся один – Леонид.

Очень смутно вспоминаю Геннадия. Он мне представлялся красивым: аккуратно одет, кудрявый, голубые глаза. Однажды спросила у мамы:

– Ни у кого из родных нет кудрявых волос, только у него.

Мама засмеялась:

– Перед войной он год-полтора работал на радио; наряжался, завивку сделал. Тогда модно было – кто белился, кто сурмисился.

Однажды пришел к нам, а я была « занята»; он говорит: «Анютка, что такое, как приду, ты в углу или на горшке». Может, от стеснения это и запомнилось.

В Балахчине мы во время войны не голодали: у всех была картошка, овощи, американские консервы. Вероятно, потому, что Балахчин – рудник,

золотодобывающий, не захолустье! Вот после войны, в 1947-1948 годах было голодно. Мы жили в городе, картошки-спасительницы нет. Хлеба, муки – нет. Мама из отрубей делает лепешки – невозможно есть: в десны вонзилась шелуха.

Но «жилось мне весело ишибко»
Б.Ахмадулина

Рудник. Он всегда перед глазами: тайга, горы, цветы, малина там, где вагонетки катятся золотом, и наша «золотая» речка... Нам, детям, в те времена жилось вполне благополучно: нет хлеба, масла, пряников – есть картошка, есть овощи! А у кого корова – прекрасно. Для коровы нужно сено зимой. Вспоминаю (мне лет четыре-пять) – мама с папой ушли на покос. Мы с сестрой решили приготовить пироги морковные. Замесили тесто, натерли сырную морковь, сделали пироги и сварили их. Есть невозможно: в клейкой массе – сырья морковь. Выкинули в колодец – чтобы не видели! Не помню реакцию мамы. Видимо, объяснила, как надо делать, а сестре было внушенение! – она же старшая. Карточки продуктовые отменили в 1948 году. Тогда по радио говорили о благополучии, о расцвете, о благосостоянии... Сейчас приходят на память стихи Н.Коржавина: «А страна моя родная Вот уже который год Расцветает, расцветает И никак не расцветет».

На руднике была Динамитная гора, там сажали картошку. В июне мы с сестрой ходили туда окучивать молодые кустики еще не начинавшей цветти картошки. С собой брали два куска колотого сахара, тогда не было рафинада. Так вот, идем мы с сахаром, у обеих по куску. С горы течет звонкий прозрачный ручей. Садимся, обмакиваем кусок в воду, совсем, вкусно! Часть куска оставляем на обратный путь. Слаще того сахара никогда больше не было!

До школы часто оставалась дома с бабушкой, Марьей Сафоновной. Она вырастила одна (муж рано умер) пятерых детей, из них один – мой папа. Зарабатывала она ручной работой: вязала, вышивала... В Балахчине многие женщины этим рукоделием занимались: украшали одежду, скатерти, занавески...

Бабушка не всегда была словоохотлива, но иногда, зимой, когда она лежит на печи, как она говорила, греет «косточки», тут и спрашивай о чем-нибудь. Не помню, чтобы сказки рассказывала, но на вопросы отвечала. Спрашиваю:

– А почему мой папа хромой?

– Маленький был. Залез на лошадь, она дернулась бежать, он и свалился, ногу поломал; а срослась кость, как ей было угодно. Вот, не носись, как та лошадь, слушай, что тебе говорю.

– А твой папа где?

– Давно уж умер.
 – А тебя около него похоронят?
 – Нет, он далеко отсюда.
 – Я тебе принесу кукушкины слезки, незабудки. Слезки хорошо пахнут.
 – Спасибо. Незабудки хорошие цветочки.
 – Бабушка, а что такое – ни пяди назад? Мне читала Галя – на стене клуба так написано.
 – Ну, пядь – это длина такая. Растиши кисть руки, так вот – длина от большого пальца до указательного (показывает на моей руке) это и есть пядь. А «ни пяди назад» – это значит, что солдаты наши не должны отступать даже на столько (и опять показывает на моей руке).
 – А почему ты сказала, что враг лютый? Лютый – это какой?
 – Какой, какой, заладила. Злой!
 – А ты сейчас тоже лютая?
 – Господи, ну что ты мне покоя не даешь?
 – А еще ты мне говорила: полотенце было в сажень. В сажень – это как?
 – Никак. Бывало, хочешь купить материю на платье, говоришь приказчику: отрежь мне три сажени и чтоб ширина была в один локоть. Смотри: сажень вот такая (растягивает мои руки в стороны), а локоть – длина руки до локтя.
 – А руки бывают разные.
 – Ничего. Эти меры были самые надежные. Хватит, дай отдохнуть!
 Над ее кроватью висела икона Казанской Богоматери. Молилась бабушка каждый день: «Господи, отпусти вся грехи наши. Пощади нас, Пресвятая Богородица, избави нас от беды. Иисус Христос, приде на землю и учи люди истине и благодати».
 Я очень виновата перед бабушкой. Пошла в школу. Учительница Мария Васильевна, первая, добрая, говорит на уроке:
 – Бога нет!
 Как ей не верить! Пришла домой, встала на бабушкину кровать, перед иконой и говорю:
 – Нет твоего Бога! Тьфу!
 – Ой, Анька, накажет тебя Бог! Бесстыдница, срамница!
 И заплакала.
 Правильно, что заплакала: знала, что так и будет. В 1942 году ее не стало. А потом мы уехали. Никто не приносит ей кукушкиных слезок...А икона теперь у меня. Ей более ста лет.
 Во время войны, мы – ученики, дома или на уроке вышивали, вязали носки, варежки... У меня был сшит кисет; на нем вышила нитками-мулине: «Солдату! Стреляй метко! Аня». Наши эти подарки собирали и отправляли на фронт. О! Это было для нас важное и гордое дело! Мы

Рудник Балахчин.
 1945-67?



К 10-летию сшили
 мне платье. Ришелье-вышивка.

Рудник
Баражчин

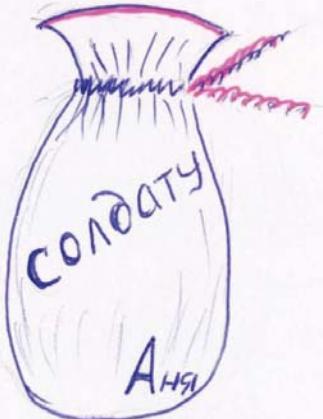
40-е годы.

Война.

Мы, ученики 2-3 класса,
выполняли важное, гордое
дело: вязали носки, шили
кисеты (для табака);
их отправляли на
фронт солдатам. У меня
сшит кисет и вышила –
солдату.

Сделала два кисета; на
одном – вышивка: стреляет
метко!

Кисет.



помогали солдатам! У кого находился табак, так его – в кисет; вот солдат будет рад!

А как радовали мы свой быт? Мережка, вышивка... Мережку делали белыми и цветными нитками. Простая мережка – столбик – дело простое – для носовых платочек; а мережка «планка» или «паучок» – труднее. Еще сложнее – ришелье. Делали мы его на швейной машинке. У нас была «Зингер», на ней рисунок на ткани обшивали особенным швом. Гладью вышивали ночные сорочки, скатерти. Середина скатерти – гладь, а края подшивали мережкой «столбик» или любой другой. Мережку хорошо делать на полотняных тканях: нити в них легко вытянуть. У нас с сестрой были полотняные платья с отделкой из белых ниток – ришелье. Очень красивые были полотенца – для праздничных дней. На полотенцах вышивали деревца, веточки (с давних времен так принято было). Вот и у Есенина: «Каждое утро, встав от сна, мы омываем лицо своё водою. Вода есть символ очищения и крещения во имя нового дня. Вытирая лицо своё о холсте с изображением дерева, наш народ немо говорит о том, что он не забыл тайну древних отцов вытираясь листвою, что он помнит себя семенем надирного дерева и, прибегая под покров ветвей его, окунаясь лицом в полотенце, он как бы хочет отпечатать на щеках своих хоть малую ветвь его, чтоб, подобно дереву, он мог осыпать с себя шишки слов и дум и струить от ветвей-рук тень-добродетель»

А цветы – для красоты. После трудового дня лечь в постель, вышитую цветами, блаженство, отдых! И отсюда видно «потоков рожденье».

Женские украшения – колье, броши... – я видела только в кино. У мамы были красивые сапожки с высокой шнуровкой, до колен, туфли на каблуках (пока ее нет дома – мерила их, ходила по комнате потихоньку – большие для меня, и думала, что отломлю каблук). Говорили, что красивая обувь, пальто – со времен НЭПа. К сожалению, все добро сгорело во время пожара. Сохранились только папины именные серебряные часы, сейчас они у моей племянницы Лены, у нее не пропадут; лежат как память. Нарядными были платья из маркизета – очень тонкая ткань. Часто вспоминаю маму в маркизетовом платье – на черном фоне горошины желтого, красного и еще какого-то цвета. Как оно мне нравилось! Не знаю, есть ли сейчас такая ткань. А блузки шили из батиста – тоже очень тонкая ткань; пуговицы – перламутровые, переливались блеском; сейчас таких не вижу. А какие делали кружева! Их вшивали в наволочки, пришивали к простыням... У мужчин дорогими и модными были хромовые сапоги, пальто из бобриковой ткани.

Работали всегда много. А в субботу, прия с работы, все перемывали и чистили, особенно перед Пасхой. Утром на Пасху проснешься – в комнате на окнах праздничные тюлевые занавески, из кухни – аромат выпечки – шанежки (плоские булочки), они дешевле обходились: смазанные сливками, зарумяниенные в русской печи, а еще – пирожки с говяжьим

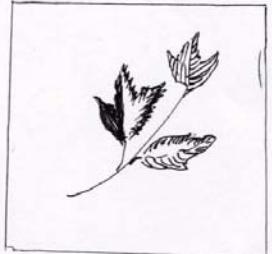
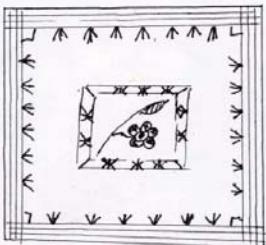
Популярные занятия девочек, женщин.

40-50-е годы.

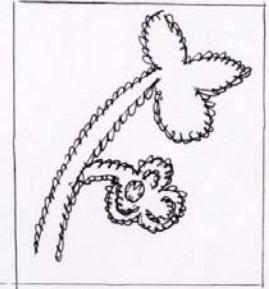
Мережка, вышивка, ришелье.



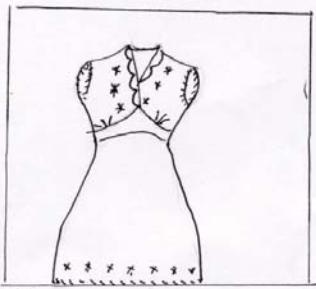
Салфетки



Скатерти. Мережка. Вышивка: гладь, роспись.



Ришелье



Когнак сорогок. Глайд нитками муслине.

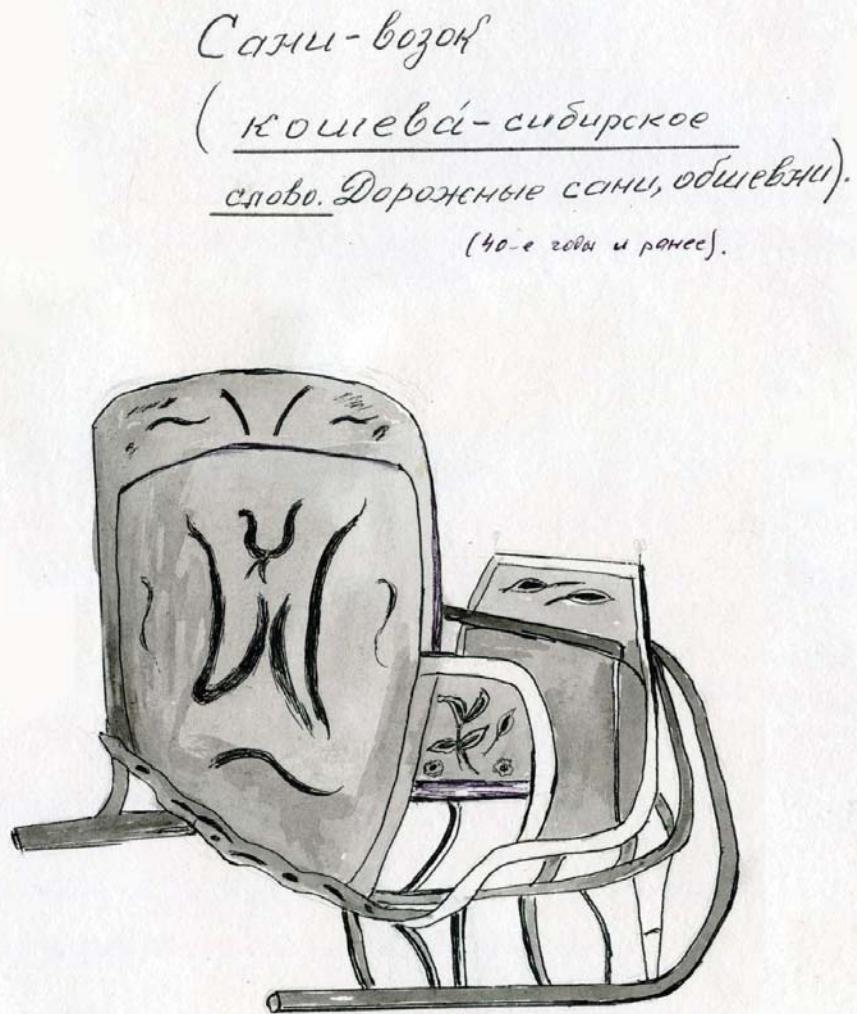
сердцем, легкими, почками... А однажды во время войны папа привез (он служил в тылу – хромых на фронт не брали) в берестяном туске мед. Мы его ели впервые. Пройдут десятилетия, и можно будет запросто купить мед. Когда папа вышел на пенсию, он завел пасеку, нам высыпал в Ригу.

Пасха широко не праздновалась, но яйца красили все, на Пасху красные, а на Троицу – желтые, их красили в молодой бересковой листве. Летом был веселый праздник – день Ивана Купала. Что творилось на улицах! Невозможно пройти сухим – обязательно обольют, из любой посудины, хоть из ведра, хоть из тазика... И мокро и смешно!

Праздновали у нас и святки-колядки с Рождества до Крещенья. Взрослые и дети в смешных нарядах, с разукрашенными лицами ходили по домам с колядками, плясками. Их обязательно угожали чем-нибудь. Было очень весело!

В зимнее время можно было увидеть в выходной день или на праздник парочку, мчавшуюся в кошевке, это такие широкие сани, сиденье на двоих. Были дорогие кошевки и подешевле. Дорогие – с резьбой по дереву, иногда обшитые кожей. На руднике нечасто можно было видеть кошеву. Помню – играем мы зимой на улице. Вдруг видим – мчится лошадь, впряженная в кошеву. Сидят – Анна Ивановна, врач, весьма миловидная молодая женщина, и какой-то мужчина. Мчатся они по ул. Ленина, которую не объедешь ни с какой стороны. Прихожу домой и рассказываю маме. А мама: «Доиграется Анна Ивановна, ох, доиграется!» – «Как доиграется?» – «Просто! Добрая слава бежит, а худая летит». – «Ну и что?» – «А то, что не надо ездить с чужими...»

Мамины слова оправдались. Летом, опять в кошевке (на колесах теперь) мчится как птица Анна Ивановна, и с кем? С моим папой! Бегу домой: «Мама-мама, папа с Ней едет!» Что было – не знаю, но, видно, А.И. доигралась...



Сани-бозок

*(кошевое – сибирское
слово. Дорожные сани, общевн.)*

(40-е годы и ранее).

Мы в Сибири, война далеко

Все в детстве нравилось! Куклы, игры на улице, проказы, страшные рассказы про «черные-черные комнаты с черными кошками...»

Ежегодно в школе делали уколы. Как их любила! Сейчас видеть иглу – уже страшно...

А уроки чтения самые интересные! Вот читаем сказку Ершова «Конек-Горбунок». Сразу начинались вопросы. Мы хорошо знали, что такое топор, вилы, лопата, колун, разные овощи, но не видели пшеницы, что это такое? Мария Васильевна рисовала на доске колосок пшеницы... И читает дальше. «Я куплю тебе лубков, Дам гороху и бобов». И горох, и бобы – у нас на огородах.

– А что такое «лубки»? – спрашиваем мы.

– Это картинка такая, на доске из липы.

У нас в руднике этого дерева нет.

«Да игрушечку – конька, Ростом только в три вершка».

– Вершок – это сколько?

– Это, примерно, с ваш мизинец.

– А три вершка?

– Считайте сами!

А уши аршинные – какие? – Мария Васильевна показывает.

Вопрос за вопросом... «Очи яхонтом горят».

М.В.: «Если очи горели, то какого цвета были глаза?»

Мы: «Красного!»

М.В.: «Есть очень дорогой камень – ярко-красный яхонт. Его теперь называют рубин. А еще есть синий-синий яхонт – сапфир».

– А тьма народу – это сколько?

– Это тысяча и больше.

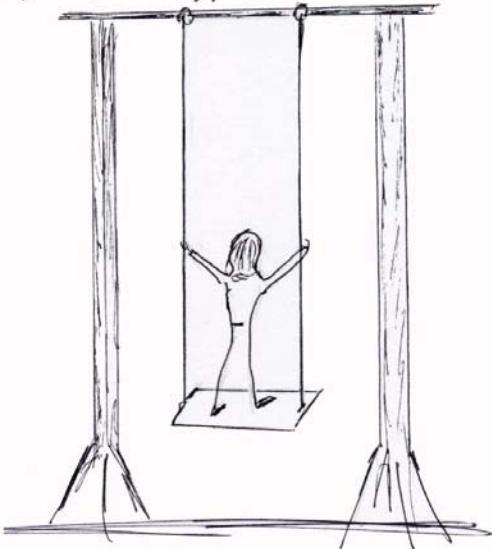
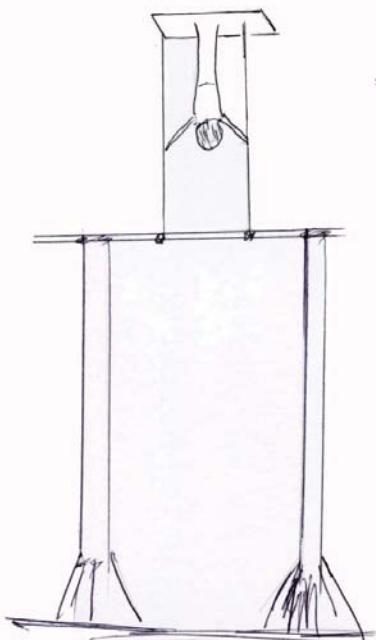
– А почему у Ивана все красное: платье, шапка, сапоги?

– Раньше красивым называли все красивое. Слышали, говорят: красна девица – значит, красивая...

На уроках Мария Васильевна учila писать ровно, с нажимом (ручки были с разными перьями, лучшие перья – № 76 – хорошо делали нажим). Учительница говорила: «Пропишу тебе ижицу, если плохо напишешь». Иногда приходилось переписывать из-за одной ошибки, помарки целую страницу.

Рудник Балахчин.

*При сильном раскачивании
качели останавливаются
наверху так, что человек стоит
наверху ногами несколько секунд...
Хорошо, если удержится руками.*



Были у нас учительницы из сосланных. В 5-ом классе учительница немецкого языка, всегда интересно причесана, выделялась своей манерой говорить... а как писала на доске! Напишет фразу готическим шрифтом – мы в восторге! Ни за что нам так не написать. Вот входит в класс... Гутен морген! Вер ист хойте ордер? – Жаль, всего два года училась у нее...

После уроков играли в войну. Снежные комья – оружие, «ядра» для ближнего боя. А чтобы далеко стрелять – делали рогатки. Берешь хороший сучок, прикрепляешь к двум его концам резинку, в центр резинки кладешь «ядро» (что-то твердое, но не камень), натягиваешь и отпускаешь. Делали и стрелы, но с ними стояли в охране, для устрашения. Почти как в Ипатьевской летописи XVI века: «палицами и камением бяхуся». А главное развлечение – коньки. Однажды поспорили: кто может скатиться с крутой горки с завязанными глазами. Думалось мне, что это просто, покатилась. А горка кончается под углом резко – и коньки воткнулись в снег. Перелом руки, шина, писала левой рукой. Да и это тоже было интересно. А летом – маниющим и опасным было развлеченье – качели. Опасно потому, что при сильном раскачивании качели на мгновение останавливаются вверху – и, если не удержишься, – полетишь на землю.. Сестра моя не удержалась – и, конечно, разбила себе нос, подбородок... Чтобы сильно раскачаться, надо еще и силу иметь, и смелость. У меня ни разу не получалось взлететь.

Летом было много работы: полить грядки, прополоть, наносить воды! Если мало польешь грядки, – мама пальцем ткнет в землю – сухо. Поливай снова!

* * *

В начальной школе в классе была полка с книжками, стопка книжек, Мария Васильевна давала их читать домой. Любимая – «Что я видел?» Житкова. Как прочла, мечтала увидеть лестницу-чудесницу, что в той книжке. Пройдет много лет – и мечта осуществится. Увидела МЕТРО. А появилось метро в Москве в тот же год, когда я родилась.

Все знали стихотворение Кольцова «Вот моя деревня, вот мой дом родной, вот качусь я в санках по горе крутой...», – все как у нас на руднике. В той же книжке было большое стихотворение А.Кольцова «Хуторок» – нам оно нравилось, хоть и очень грустное. Мы жалели молодую вдову (узнали значение этого слова). Сначала не поняли, что случилось в избе, учительница как-то объяснила, почему погибла вдова. Но мы получили «порцию» нравственности, жалость к вдовам – они, как травинка при дороге... Кончается стихотворение словами:

*И с тех пор в хуторке
Никого не живет,
Лишь один соловей
Громко песню поет.*

Позднее, наверное, в институте, узнала, что в Воронеже жил современник Алексея Кольцова Иван Никитин, оба не дожили и до сорока лет, у обоих жизнь безрадостна, а стихи о безрадостной жизни и прекрасной отчай земле. Наизусть мы учили стихотворение Никитина:

*Звезды меркнут и гаснут, В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш...*

Мария Васильевна словами, картинками объясняла непонятные нам слова – лозняк, камыш (у нас не было ни того, ни другого).

*Под большим шатром
Голубых небес –
Вижу – даль степей
Зеленеется.*

Мы смотрим картинку, видим и наш пейзаж: «цепи гор стоят великанами», узнаем о нашествии татарской Орды, Наполеона...

*...И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглись спать,
Гости навеки.
Хоронили их
Выоги снежные,
Бури севера
О них плакали...*

Любимыми были сказки Братьев Гримм, Ш.Перро... «Три поросенка» читали по ролям, смеялись над Ниф-Нифом и Нуф-Нуфом, они были очень похожи на нас.

На втором этаже школы – библиотека. Зачитывались «Всадником без головы», «Человек, который смеется», «Гаврош»...

На ул. Ленина в небольшом доме жила семья Пятницких, интеллигентная – говорили о них, двое детей в семье. Некоторым (надежным) Пятницкие давали читать книги из своей «Золотой библиотеки»: Д.Дефо, Свифта...

Читали мы и «Пионерскую правду», на последней странице всегда было что-нибудь смешное про учеников. Был популярный журнал

«Молодой колхозник» – мы ничего не знали о колхозной жизни, смотрели картинки, которых было много. Журнал внешне был похож на «Огонек».

В домах и на улице было радио. Называлось – тарелка, потому что формой похоже на тарелку, только черное. Радио почти не выключалось. Каждое утро начиналось с Гимна страны – в 6 утра. Затем шла информация о выполнении пятилетки, о достижениях колхозников, шахтеров... Были очень интересные передачи: «Театр у микрофона», литературные чтения, музыкальные спектакли. Запомнилась диктор Ольга Высоцкая – речь всегда четкая, чистая. Она рассказывала о писателе, о его героях – и тут же отрывок из произведения. Передавали по радио песню из фильма «Встречный», музыку к нему написал Д.Шостакович, а про автора слов ничего не говорили (Борис Корнилов, комсомольский поэт, муж Ольги Бергтольц, в 1938 году был расстрелян).

*...Нас утро встречает прохладой...
Проснись, вставай, кудрявая,
На встречу дня...*

Венедикт Ерофеев вспоминал: «Эта песня меня будоражила. Надо идти на лекции, но я брал себя в руки и не вставал. Будоражила, потому что я очень любил Дмитрия Шостаковича».

Музыка Шостаковича часто сопровождала отрывок из какого-нибудь радиоспектакля; еще передавали И.Дунаевского, теоджаз Утесова (что такое – «теоджаз» я не знала, так на пластинках было написано), песни К.Шульженко...

На ул. Ленина, около клуба, висела радиотарелка. Когда сообщили о Победе, – вся улица словно замерла – так неожиданно... Минут пять – тишина, слушали голос Левитана, а потом песни, помню:

*Шумел сурохо Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как или с победой партизаны.*

А дома у сестры Эмилии, как только услышали по радио о Победе, мачеха, как принято было, упала на одежду мужа Ивана Высоцкого, погибшего в 1944 г., всего за полгода до этого Дня – и горько-горько и громко-громко плакала: и мужа нет и осталась одна с четырьмя детьми... Она была не одинока в этом горе. Когда кончилась война, на три седьмых класса вернулось трое отцов...

Был у нас дома патефон. Когда я оставалась одна дома, заводила патефон, ставила пластинку с красным кругом (были и с черным) расстилала на полу большую с кистями шаль бабушкину, садилась на нее –

Радио-тарелка (1940-е гг.)



А.

и слушала... Пластинка с красным кругом мне особенно нравилась. Позднее узнала, что это за музыка была: Увертюра к опере «Кармен!» У папы была любимая – «Окрасился месяц багрянцем» (пела Л. Русланова). У бабушки Марии Сафоновны – «Травушка-муравушка» и веселая: «Ехал на ярмарку ухарь-купец – в красной рубашке, кудряв и румян вздумал деревню гульбой удивить». Маме некогда было слушать пластинки, но в праздники, когда были гости, любила со всеми петь «Как умру...». А мы с сестрой любили: «Домовой», «Три поросенка и злой волк», учились под эту музыку танцевать.

Были у нас пластинки и с классической музыкой. (А предшественником патефона был симфонон. Увидела его в музее Поленово.) Когда на конверте встречала портрет дирижера Е. Мравинского, то почему-то сравнивала его с Суворовым – и у того, и у другого в фигуре, взгляде – грандиозность, уверенность!

Папа играл на балалайке. Придут гости – папа берет балалайку, начинает играть и говорит: «Галя, пляши!» И Галя «бьет дробь» каблучками. Мне не предлагал – не умела.

По радио узнавали все новости, песни.... Без него я не представляю ту жизнь.

Помню, осенний день... Одна дома. По радио звучит такая музыка! До слез она меня довела! Вошла сестра: «Что случилось?» – «Галя, послушай!» – «Ну». – «Послушай, какая музыка!» – «Фу, напугала, дура». (Это было в Минусинске, я уже в Педучилище училась.)

На следующий день спрашиваю у учительницы пения Елены Федоровны:

- Вы слушали вчера радио?
- Нет, а что?
- Такую музыку передавали!
- Елена Федоровна села за рояль...
- Эта?
- Нет.
- Эта?
- Нет.
- Может быть эта?
- Да-да!

– Это «Полонез» Огинского. И рассказала о композиторе, об этом его произведении. Потом эту историю рассказала я своей подружке. Прошли годы... Она из Минусинска приехала ко мне в гости, в Ригу. И рассказала, как она тогда поняла: Огинский посвятил эту музыку любимой Полонесе!

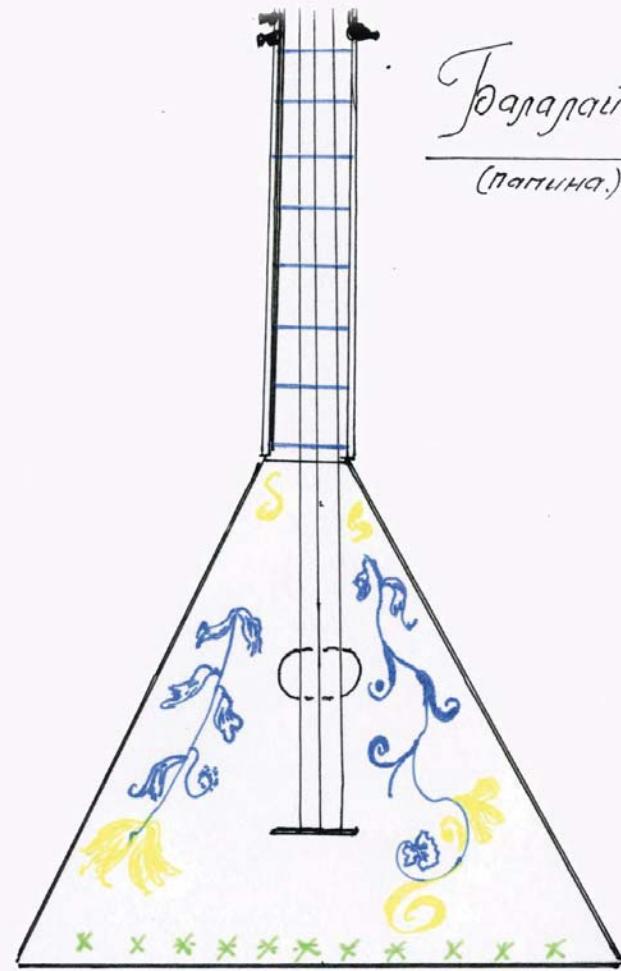
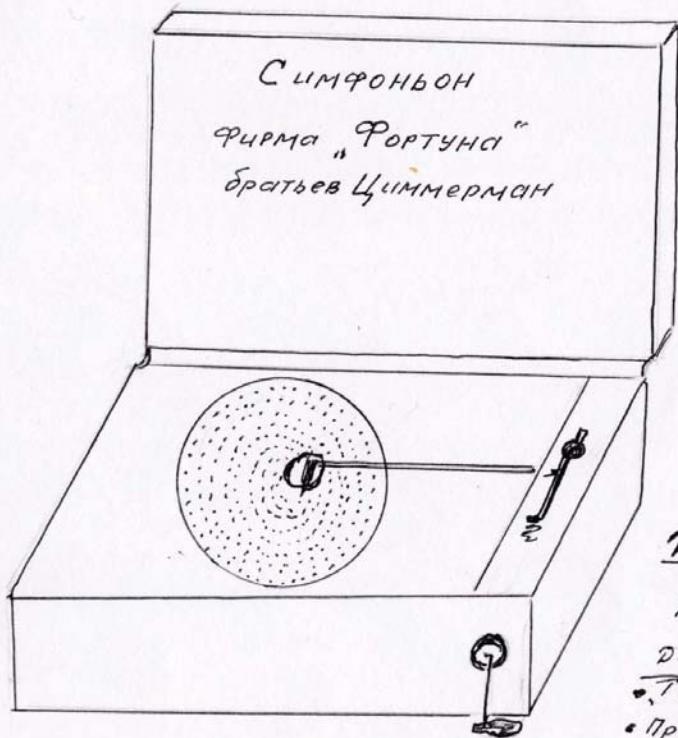
Та радио-тарелка много лет просвещала нас!

В балахчинской школе был преподаватель – организатор вечеров, музыкант, руководитель хора – Александр Писарев, мастер своего дела!

1983 год.

Музей - усадьба
Поленово

Директор Музея - внук
В. Д. Поленова.



Балалайка.
(Папина.)

Ручник
Балажчин

Хор часто выступал в Клубе в праздничные дни. На вечере, посвященном стахановцам, хор пел песни Лебедева-Кумача:

*Мы все добудем, поймем и откроем:
Холодный полюс и свод голубой!
Когда страна быть прикажет героем,
У нас героем становится любой.*

Или:

Нам песня строить и жить помогает...

Или песню «Веселый ветер»:

*Спой нам, ветер, про славу и смелость,
Про ученых, героев, бойцов,
Чтоб сердце загорелось,
Чтоб каждому хотелось
Догнать и перегнать отцов!*

Но лучшие вечера – спектакли учеников. Были удивительные Кащеи Бессмертные, Бабы-Яги, Змеи Горынычи... Может, под тем детским впечатлением и ставила я в гимназии «Золитуде» и в 34-й замечательной школе «До третьих петухов» В.Шукшина.

Наступило время сказать – прощай, рудник Балахчин, прощай рудник, богатый кедром, золотом и достойными людьми! Прощай, «золотая» речка Андат, заросшая красной смородиной, жимолостью, прощайте, моя учительница Мария Васильевна, подружки... Начинается новая жизнь, городская – мы приехали в Кызыл – столицу Тувы, в страну Саян.

А рудник закрыли в 1953 году, видно, кончилось золото...

С августа 1960 года я живу в Риге... Как-то рано утром вышла на улицу, смотрю, у магазинов стоят ящики с бутылками молока...

Однажды наша учительница истории Анна Мохова спросила меня, откуда я?

Подобные вопросы были не раз, с разных сторон. Спасибо, эти вопросы заставили меня оглянуться, вспомнить забытое, спросить....

Два года в стране Саяны

Прошли десять лет в руднике «золотом», где родилась в зимний день. Летом, после войны, уехали жить в г. Кызыл. Когда сейчас вижу по телевизору Сергея Шойгу, с уважением смотрю на него – он ведь оттуда! Хороший человек! (Может, ошибаюсь – как это часто у нас бывает; проходит время и – оказывается – как все ошибались!) Прожила в этом городе всего два года, а в памяти столько воспоминаний! Улицы, изумительный парк, расположенный в центре города на небольшом острове на реке Енисей. Дальше – еще остров, точнее, не остров, а скала прямоугольная, ни дерева нет, ни кустика. На скале большими белыми буквами, высотой, наверное, в метр, написано – Сталин. Этую скалу-остров омывают – Большой Енисей (Бий-Хем), течет он из Бурятии, и Малый Енисей (Ка-Хем), исток его в Монголии. За островом они сливаются, и несет свои воды могучий Енисей к Ледовитому океану, в Карское море. Тува расположена на юге Красноярского края; климат резко континентальный. Так вот, едем мы в Кызыл, дорога пошла в горы. Это Саяны. В горах – снег, чуть ниже – лужайки с ярко-красными огоньками (жаркими их называют). Дорога – серпантин, извилистая, смотришь то вперед, то назад – видишь только что виденное; так и петляет машина минут сорок. Красотища! Здесь тайги нет. Редкий лес; солнце яркое, но не жарко в горах. В Туве – степи. Мороз – до 50°, жара такая, что босиком не побегаешь!

Степь покрыта кустиками, похожими на веник, какие привозят с Украины. Иногда, обычно в летнее время дует такой песчаный ветер, что скрипит на зубах. Стараешься не открывать рот, а песок попадает. Тувинцы – низкорослые (как и их лошади), зимой ходят без шапок, летом – в шапках (от солнца), зимой ездят на лошади по улицам – продают облепиху. Какая облепиха! Крупная, кисло-сладкая. Придешь из бани – вместо чая – облепиха мороженая! В нашей семье это лакомство, без сахара – было мое; мама не могла смотреть, как можно есть без сахара!

На окраине города однажды расположились кочевые тувинцы. Юрты – из кожи, мехом внутрь, есть маленько окочечко. Говорю подружке (нам по 11 лет) – пойдем за город, посмотрим юрты. Пошли. И что увидели! – на всю жизнь в памяти осталось. Юрта. Недалеко от нее сидят тувинцы в кружок, не помню, был ли костер, поджав ноги, слегка склонив головы. В центре – шаман. Одежда украшена чем-то блестящим, яркой расцветки халат, на голове – колпак в больших перьях, в руках – бубен, большой и яркий, в кармане халата – колотушки, шаман бьет ими в бубен; потом

ТУВА. г. Кызыл. 1947.



В центральной части
города баяшой Ынисей и
Малый сливаются за
островами-склонами и воды
свои могучий Ынисей
несёт в Карское море.
Остров-правоугольный
камень, на нём крупные
белые буквы-Сталит.



прыжком высоким – вправо, кажется, что упадет, миг – смотрит на сидящих, снова – удар – прыг влево; прыжки широкие, летящие. То распевает что-то низким голосом, то что-то выкрикивает скороговоркой, не разобрать. А сидящие в кружок тувинцы иногда вжимали голову в плечи, будто прятались от чего-то...

Вот нас кто-то заметил, дал суровый знак, чтобы мы уходили. Побежали мы, было страшновато, может, шаман и нам давал какие-то знаки...

Застала один год разделения школ на мужские и женские. Приглашали друг друга на мероприятия. Вспоминаю – мы в тувинской школе. Давали для них концерт. У меня был «коронный номер» в акробатическом этюде под вальс «На сопках Маньчжурии». Сделав два-три колеса (если сцена позволяла, а то и больше), сразу – на шпагат! Повторять это нужно было несколько раз по желанию зрителей. Мальчикам-тувинцам я, наверное, напоминала прыгающего шамана.

В школе у нас были разные кружки, выпускали обязательную стенгазету. В каждом классе она должна была быть. У нас была под заголовком «За учебу». Вот однажды мы, редакторы, вечером подготовили новый номер, повесили на стену и ушли. Утром – ужас! Кто-то успел одну букву в заголовке замазать. Учительница, заметив, вышла. Мы быстро сняли, порвали в клочья свой труд... Это происшествие никак не обсуждали – будто ничего не произошло.

Несмотря на послевоенный голодный год, мы, дети, жили весело. Как писала Белла Ахмадулина: «Жилось мне весело ишибко». Мы шибко ревились, и летом и зимой.

В Кызыле не катались на коньках – Енисей замерзал в плеске, в волне, гладкого льда, конечно, не было. И снежных баб не лепили – снег рассыпался. Летом купались в Енисее. Такого обилия игр, как на руднике, не было. И все-таки эти два года – замечательное время в моей жизни: больше времени проводила не на улице, а в кружках школьных. Всё минувшие детские счастливые дни сравниваешь с нынешними, неголодными, и улыбаешься: прекрасное время учебы в школе, проказы, увлечения... Всё в жизни значимо. Семейный уклад, школа, кружки, интересы, среда... Это незабываемо! Само яркое – хорошее ли, плохое – остается в памяти, как-то влияет на формирование духовного мира, нравственности... Сфера поведения – это и часть культуры человека, общества. Иногда думаешь: что дал тебе институт и все, что было на твоем пути? Приходишь к выводу – наибольший вклад в становлении человека дают детские, отореческие годы и ранняя юность.

Мува. с. Кызыл. 1947. Что я видела...



В круг сидят тувинцы,
подняв ноги, слегка склонив
головы. В центре в красивой
одежде, на голове что-то –
украшенное перьями – шамаш.

Сидящие видели в нём не обычного человека
а кого-то выше его...

В руках бубен. Шаман делает
удар по нему и резко – прыг вправо:
миг – смотрит на сидящих, удар – прыг
влево... Прыжки широкие, летящие...

Что он рассказывал? Предупреждал...??

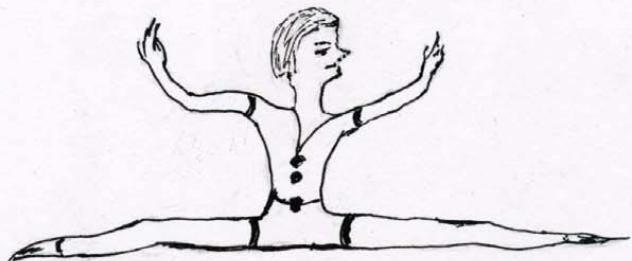
11 лет.

“Шаманский” трюк.

1946-7.

г. Кызыл.

Звуким барс
„На сопках Маньчжурии“
и
силуэт на
шлагах
под спортивные
мальчишек-
түвинцев.



Мои учителя

Начало 50-х годов. Учеба в Педагогическом училище им. А.С.Пушкина в Минусинске, куда меня без категорического моего нежелания отправил папа, – очень важное для меня время в 4 года обучения. Уроки этики и эстетики в манерах, поведении учителей – незабываемы. Пример аккуратности, серьезности, точности – учительница физики. Оформление записи в тетради с соответствующим рисунком, схемой – стоили усердия! Строгая в обучении и добрая к ученикам. А химия! Красивая, с длинными ресницами (я удивлялась их длине), всегда элегантно одетая, она, если мы слушали внимательно, усвоили тему, рассказывала сериями, оканчивая на самом интересном месте, содержание «Иоланты». Так было месяца два; мы ждали, когда же Иоланта, дочь короля Рене, увидит красоту природы, красоту ее самой... Полюбит ли ее Водемонт... Намного позднее удалось услышать оперу «Иоланта». А учитель биологии – скромен в разговорах, но каким-то образом внушил нам, что вождь мичуринской науки Т.Д.Лысенко – псевдоученый; его квадратно-гнездовой метод, с которым мы знакомились на училищном участке, – чушь. В детстве видела – растет картошка без всяких квадратов, рядами, отлично, если за ней ухаживать, т.е. окучивать, когда она набирает силу. И ведь только в 1956 году отменили этот метод лысенковский, ученые теперь могли говорить о генетике! А позднее стала известна и судьба главного советского генетика Николая Вавилова, погибшего в тюрьме.

Как-то в Киеве, в Музее театрального искусства, вспомнила и учительницу пения и музыки Елену Федоровну Немирову. Она поставила у нас небольшую сценку из оперы «Запорожец за Дунаем» Гулак-Артемовского. Роль Одарки исполняла наша замечательная певица Лариска Шевелева, Карасем был отличный парень Лева (мой партнер по акробатике). Здесь, в музее, увидела фотографии исполнителей: Одарка – М.Литвиненко, Карабь – И.Паторжинский (репрессированные после войны). Елена Федоровна – уникальный человек! Какие концерты она готовила! На городских олимпиадах мы соперничали с Культпросветчицем. То мы занимали первое место, то они. В 2009 году, когда была я в Москве у своей училищной подружки, к удивлению, услышала о себе – говорила она своему сыну:

«Как она нам играла на пианино «Полонез» Огинского! Под ее вальсы мы на переменах танцевали...». Было это давно; ничего теперь не сыграть – забыто... Все прошло «как с белых яблонь дым»...

Единственный минус этого времени – не было в программе иностранного языка. С 5-го по 7-й класс – немецкий язык, в институте – только зачеты сдавай. У меня был свой метод сдачи: шла к девчата-инязовкам, они переводили текст небольшой книжечки – запоминала его и тут же – шла сдавать. «Легкость в мыслях необыкновенная», – как говорил Хлестаков (*«Ревизор»*). Вот и не знаю никакого языка, к сожалению. Тогда мы были просто патриоты советские, зачем нам чужой язык!

Были у нас уроки музыки: кто учился игре на скрипке, кто на домре, кто на пианино. Пианино для нас (для обучения) было одно, можно было прийти рано утром, до уроков, и позаниматься. Мне очень нравились эти занятия, но в первый год обучения я не умела «считать» по нотам, а запоминала темп, ритм, пока Елена Федоровна показывала мне задание на дом; потом она «обнаружила», что я не считаю «раз и, два и...» (это было при разучивании какого-то произведения Баха; сразу не запомнишь мелодию на слух.) Года два были уроки музыки – счастливое время!

На 3-м курсе, 1953 г., – смерть всемогущего Отца – Сталина. Как ни стараюсь воспроизвести в памяти день, когда на уроке сообщили об этом, не могу вспомнить, чтобы кто-нибудь плакал; отпустили всех домой (может, довольные пошли). А одно раннее утро вспоминается отчетливо. Иду в училище на репетицию; готовили какой-то монтаж политический, мне надо было петь частушку про Чан Кай-ши. Сказали, что петь надо громко, учись! Но я, во-первых, не любила частушек, да еще надо громко... На улице ни души. Вот иду, очень громко пою эту частушку. Открывается окно, и кто-то кричит мне: «Чего с раннего утра орешь?»

* * *

В первой половине 50-х годов в кинотеатрах шли трофейные фильмы. Что творилось, когда шел фильм «Тарзан»! Убегали с уроков, чтобы днем попасть в кино. Дверь в кинотеатр не закрывалась, полный зал зрителей. А фильм «Девушка моей мечты»...

У Б.Окуджавы есть рассказ «Девушка моей мечты» – трагический и удивительно искренний рассказ о себе и своей семье, особенно волнующие страницы о том, как он повел маму после ее возвращения из лагеря, ссылки в кино – смотреть его любимый фильм ... Тогда молодежь была влюблена в актрису Марику Рекк.

В 1986 г. ездила в Сибирь на встречу с выпускниками (и педучилища, и института). Прекрасная была встреча! – Воспоминания, узнавания... Интересные разговоры с Анатолием Алексиным и его женой Лерой Размахниной о книгах (о Солженицыне и его оппонентах)... Толик наш теперь – декан в Университете...

В Минусинске, к моему удивлению, встретилось много наших! Они повезли меня по моей просьбе в Шушенское – в Музей В.Ленина. Хотя сначала сказали: «Интересно, когда здесь жила, то в Музее не была». – Ну, конечно, не была. Его и не было тогда! Ведь основан он к 100-летию вождя, в 1970 г.

Прекрасно ему здесь жилось: в доме – его кабинет, спальня, комнаты Нади и ее мамы, спальни, столовая, кухня с поварихой. На неделю – в достатке баранины, молочных продуктов ... Речка Шушь, узкая, зимой Володя с Надей катались на коньках, тут же – во дворе – шалаш, вероятно, в память о Разливе... Посещал Ленин библиотеку им. Мартынова в Минусинске (до него 60 км.) Библиотека, надо сказать, отличная! Великолепные фолианты – по ботанике, географии, зоологии... На 2-ом этаже – Музей природы!

Детство, юность мои прошли в живописно-колоритных местах! Кто побывал в Сибири, проплыл на пароходе по Енисею от Красноярска до Норильска, тот не останется равнодушным к природе этого края! Скалистые берега Енисея или – поросшие кедром, пихтой... а то и степи увидишь, тундру...

В Сибири родились, жили родители Дм. Шостаковича. В Красноярске жил художник Василий Суриков – автор грандиозного полотна «Покорение Сибири Ермаком». На ул. Петерсона есть Музей (в этом доме жил художник), несколько лет назад его посетил Никита Михалков – правнук художника. (В.Суриков захоронен в Москве, на Ваганьевском кладбище).

Здесь 200 лет назад был предприниматель Николай Резанов, мечтавший, «закусив удила, свести Америку и Россию, американский расчет и российскую грустную удаль». Но мечты его оборвались на полдороге. В 1806 году, возвращаясь из Калифорнии через Сибирь, он заболел и умер. Захоронен на Покровской горе. Сейчас из города можно увидеть на горе небольшую церковь, башенку, ресторан «Казачья застава». О Н.Резанове и его любви к Кончите А.Вознесенский написал стихи, а композитор А.Рыбников – рок-оперу «Юнона» и «Авось». Музыку, арии из нее любили слушать на перемене мои ученики – выпускники 1996 года. Через всю Сибирь до Сахалина ехал А.П.Чехов. Он писал: «Жизнь на Енисее началась стоном, а кончается удалью».

Красноярск в 20 веке был уже большой промышленный центр. В конце 50-х годов мы, студенты, сбрасывали камни с берега Енисея в воду – для опоры будущего моста через него. В 1986 году ехала по широкому, длинному мосту, думала – есть в нем и кроха моего труда! Вспоминаются и наши поездки в колхоз – убирать урожай. Целые горы зерна мы перелопатили, чтоб оно не прело. Сколько песен перепето! После ночной смены придет, а хозяйка уже вынимает из печи горшок с кашей или с картошкой со сметаной – вкуснотища! В октябре уже начинаются холода;

снег пошел, а обувь не для этой погоды. Наконец, приехали в город, получили за сентябрь стипендию – благодать! Начались занятия. Иногда в общежитии устраивали танцы. Юрий Г. приносил хорошие пластинки; однажды-джаз! Минут через пять объявился активист. Кто-то успел спрятать пластинку. Джаз под запретом!

Нет-нет, да и настигнет ностальгия... Съездить бы туда, встретить бы кого-нибудь... Но ехать далеко, высоко и дорого.

Судьба

*Что быть должно,
То быть должно.*

А.Блок

Часто говорят о судьбе. Одни – судьбы нет. Никакой сверхъестественной силы нет. Жизнь организована на рациональных основах науки, развитой техники (почти по Бэкону – 16 век). Другие – Жизнь – это судьба. Судьба – справедливость, управляющая миром. Фатализм. Люди подвластны неумолимой судьбе. Как бы ни была свободна воля человека, – прорицание настигает его. Не напрасно у Лермонтова был цикл провиденциальных стихов. «Судьба – вообще Бог» (А.Франс.)

Мы, студентки 2-го, 3-го курсов Красноярского пединститута, вечерами вели беседы о судьбе, роке, прорицании... Говорили: неужели то, о чем мечтаем, то, что должно быть, не осуществится? Мечтаем – сколько будет детей в семье. У меня – пятеро: три мальчика и две девочки. Вскоре уже первые потери: не стало цветущей Гали Мусихиной. Клава Добринина, влюбленная в Жана, так и останется одна... Может, грешна я в этом, если верить в разные предсказания... Однажды она меня обидела словами, когда я пришла часов в 12 ночи (обычно после десяти мы все дома). Я ей что-то ответила и по глупости добавила: «А ты так и будешь одна». Зачем я это сказала?..

В начале 3-его курса неожиданно познакомилась с Юрием Груздевым. Он недавно приехал в Красноярск после окончания ЛИИЖТа (Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта); надо после диплома три года отработать, потом, где хочешь работай. Родители его живут в Риге. В этот вечер знакомства он пригласил меня в оперу – были гастроли Новосибирского театра оперы и балета. Первое мое живое знакомство с оперой; это была опера Верди «Травиата». Потом он часто стал бывать у нас в общежитии. Рассказывал о Ленинграде, о музеях, театрах. Однажды беседовали о литературе. Он спросил: «А скажите-ка, филологи, знаком вам поэт И.Барков? Нет? А читали Сильвестра? Тоже нет? Про Баркова, может, и расскажу когда-нибудь, а сейчас отрывок из рассказа Сильвестра о, извините, происхождении панталон. Они прежде назывались так: «невыразимые»; когда была в моде верховая езда, – необходимые, потом, украшенные кружевами, – «тю-тю».

А однажды смелый молодой человек спросил у женщины: «У вас есть формы?» – Потом добавил: «У вас красивые ноги?»

– Я бы вам и выше показала, но на мне панталоны.

... У бабушки продавец спрашивает: «С каким разрезом панталоны нужны вашей внучке?» – В руку порядочного человека! – гневно ответила она, хотя знала, что, по сути, вопрос был правилен. Мы хотели бы еще послушать, но застеснялись.

Часто слушали миниатюры А.Райкина в исполнении Юрия. Пять лет, прожитых в городе на Неве, не прошли скучно – столько увидено, услышано! Одним словом, интересный был парень. Клава иногда, когда он приходил, пела свою частушку:

– Молода я, молода, длинная, худая...Юрку Груздева люблю, а Илюху мучаю! (Этот Илюха – с физмата – был, как и Юрий, на голову ниже Клавы.)

У меня в эти годы был друг по Минусинску – Мишенька. Он служил в армии на Дальнем Востоке уже третий год. Вот-вот вернется. Юрий знал об этом. Возможно, это было поводом – пригласить меня к себе; причину нашел хорошую – пойдем слушать музыку Чаплина!

– Не может быть. Пластинок нет!

– А у меня есть. Вот, смотри». – Действительно, пластинка «Огни большого города». И вот – сижу, слушаю, угощаюсь поджаренной колбасой с яйцами. (В магазинах колбасы нет.) Надо сказать, что Юрий жил среди медиков: отец – гл. врач санатория Кемери, мать – терапевт санатория Дзинтари; тетя работает в больнице, кузина Эля – заканчивает медицинский институт; только родная сестра – декан Лиепайского института.

Слушаю прекрасную музыку «Огней большого города»; и колбаска вкусная вместе со снотворным... И вдруг ничего не слышу, хочу встать, бежать, – не могу, смогла только под утро.

На следующий день закончились весенние экзамены, перешла на 4-ый курс. Через день уехала домой, но Ю. пишет: «Возвращайся, куплены билеты в Ригу; не приедешь, – скажу твоей маме...».

Едем... Повез Юрий меня в Ригу знакомить с родителями.

В пути поняла, что будет ребенок. Смятение! Но молчу.

Ехали через Москву. Вот когда осуществилась мечта детства – увидела лестницу-чудесницу – Метро, о котором читала в книге Б.Житкова. Но Юрий заметил мою грусть... И говорит: «Все было правильно задумано. У нас будет сын, я так думаю».

Жили дней двадцать в Кемери. Вернулись в Красноярск, мне надо закончить четвертый-пятый курсы. В «штурмовый» день 1-го апреля – у нас родился сын Александр; назвали в честь двух бабушек. Юрий написал «Режим дня для слегка разболтавшейся студентки»:

Подъем – 7.00. В институт – сдавать зачеты.... Вечер – списать пропущенные лекции. Готовиться к семинару.

Уэсин, кормить Александра и мужа, про себя не забыть...

За 4-й курс – экзамены. Девчата сдаают в первую пятерку, бегут ко мне, сидят с малышом, я бегу в институт, сдаю. На одном экзамене преподаватель говорит: «Спасибо! Бегите домой!» – «Но я еще не все ответила!» – Ничего, бегите». Вышла взволнованная – в чем дело? Плохо ответила? А девчонки говорят: иди, видишь, молоко бежит! Так с помощью подруг, потом – мамы – закончила институт!



1957 г

КРАСНОЯРСК

ФОТОГРАФИРОВАЛ
ЮРА ГРУЗДЕВ

Vita Brevis!

*Быть недолго молодым,
Скоро срок догонит.
Б.Окуджава*

Несмотря на неожиданное, несвоевременное (учиться надо!) могу сказать:

– Благополучно всё в семье! Прекрасно всё
Незаметно пролетели три года семейной жизни.

И опять случай, судьба вмешивается в жизнь. В Риге в конце 50-х годов начались уплотнения: имеющие большую квартиру – должны потесниться. Юрий получает от отца телеграмму – приезжайте, необходимо вам прописаться в нашей квартире. Я выписалась из квартиры в Красноярске, уволилась с работы – и поехали в Ригу. Юрий должен вернуться – отработать две недели после заявления об увольнении. И вот – последний день работы – 30 июля, последний час! На работе – авария со смертельным исходом. И кончена благополучная прекрасная пора. На Покровской горе остался Юрий навсегда. Ночью перед отъездом в Ригу вышла во двор. Тихо. Ясное небо, луна. «Спокойно все: луна сияет Одна с небесной вышиной». Одна. Ю.Г. остался только в памяти.

И началась новая жизнь, непредсказуемая...

*В круговороте дней и лет,
Какие ждут нас перемены?
Б.Окуджава*

Прошли десятилетия. Вспоминаю иногда шуточную песню, которую пел, дразня меня, Ю.Г.:

*Aх, мама, мама, мама,
Какая драма!
Вчера была девица,
Сегодня – дама.*

Да, говорил, жизнь наша с тобой – это «шикзаль» – судьба (нем.) Так было задумано!

В Ветхом завете есть слова: «Не говори: „отчего это прежние дни были лучше нынешних?” Потому что не от мудрости ты спрашиваешь». Конечно, не от мудрости. Жизнь продолжается, удивляет, воспитывает, умудряет.

Чем удивила меня Рига?

Вот впервые зашла в Главный универмаг. Боже мой! Весь первый этаж – конфеты, конфеты! Вспомнила, как, поступив в институт, в первый день в чужом городе увидела в магазине пряники. Купила и целый день ими наслаждалась. И сейчас их люблю. Не помню – купила ли конфеты: денег тогда не было. Зарплата – 605 рублей. 600 – отдавать на еду (Мария Сергеевна – свекровь уже была на пенсии, готовила обеды...) Оставалось – 5 рублей; на дорогу – билет на трамвай стоил 3 копейки. Но вскоре добавили зарплату, а через полгода пришла пенсия на сына. Жизнь пошла веселее. Первая зима не понравилась: снега до января нет! Суровый ветер, раздувающий песок... Но сколько кафе! На углу ул. Суворова и Сарканармияс – кафе, напротив мой дом; из окна вид на кафе... посмотришь в окно – очереди нет, идем. Хозяйка, уже привыкшая к нам, наливает кофе – вам со сгущенным молоком, а тебе, малыш, два сгущенных молока. Однажды мне надо было позвонить по телефону – он на улице. Спрашиваю, а меня не слышат, говорят – нажмите кнопку! А где эта кнопка? Не вижу. Так и уйдешь Да, говорю себе – из пещеры! В Красноярске у нас дома был телефон, поэтому не знала таких автоматов. А как восхитила готика! Интерес к этой архитектуре проявился еще в школе – в учебнике были картинки – готические соборы. Спустя 10 лет после приезда сюда поступила на курсы экскурсоводов. И приобрела! Как раньше говорили: десять лет с костяк – и появился интерес к жизни, даже азарт.

*Есть ли что на свете выше
безумейности?
Вен. Ерофеев.*

Знакомишься с городом, его историей, а вспоминаешь берега Енисея, то заросшие лесами, тайгой, то обрамленные скалами, кряжами... В студенческие годы мы ходили на «Столбы». Это заповедник – живописные горы-скалы: «Дед», «Перья», «Баба».... Поднимаясь к горам; внизу – медленная, темная, словно чернильная, река Мана, как будто утонула в тайге... Добираемся до «Деда», садимся на его колено, отдыхаем, фотографируемся, ... К «Перьям» идут только альпинисты. Скалы эти – каменные перья громадной птицы, острые! На их призывной вид, как на клич, на самое острие стремятся самые отважные. Рассказывали, что

иногда иной смельчак перепрыгивал с одного пера на другое. Трудно представить, но все возможно... В группе у нас было два парня. Они с нами всегда вместе. Толик Алехин – знаток живописи, но и к музыке не был равнодушен. Купил пластинку – 2-й Концерт Рахманинова, позвал к себе в комнату слушать, и мы еще с одной любительницей Лерой (она станет женой Толика) сидели молча несколько минут; с тех пор это произведение – одно из самых любимых у меня. Другой – Виталик Монастырский. Оба высокие, кудрявые, голубоглазые... Над Виталиком любили все кому не лень подшутить. На 5-ом курсе девчонки пустили слух – Виталика оставляют работать в институте! При кафедре! Он поверил; купил к такому событию добротный портфель. Смеялись до упаду...

Во время учёбы на курсах экскурсоводов в 1971-72 гг. говорили о войне 1812 года. Наполеон в Ригу не пришел. И опять вспоминается: написала в институте зачетную работу «Кутузов и Наполеон». Спросила у преподавателя «Почему за работу «4», какой недостаток?» – «У вас Наполеон лучше Кутузова представлен». С тех пор читала все, что попадалось о нем. Наполеон имел полное собрание сочинений Вольтера, часто беседовал с учеными, тема бесед – философские вопросы... Друзьями его были – основатель начертательной геометрии Гаспар Монж, математик Фурье, знаток иероглифов отменный рисовальщик В.Денон, Пьер Лаплас посвятил Наполеону несколько научных произведений, химик Бертоле... Наполеон говорил Монжу: «Завидую я вам, ученым. Как вы должны быть счастливы тем, что прославились, не запятнав кровью своего бессмертия». Народ называл его просто – Человек, l' Homme.

*Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет! (Лермонтов)
Свершил роковой безвестного веленья. (Пушкин.)*

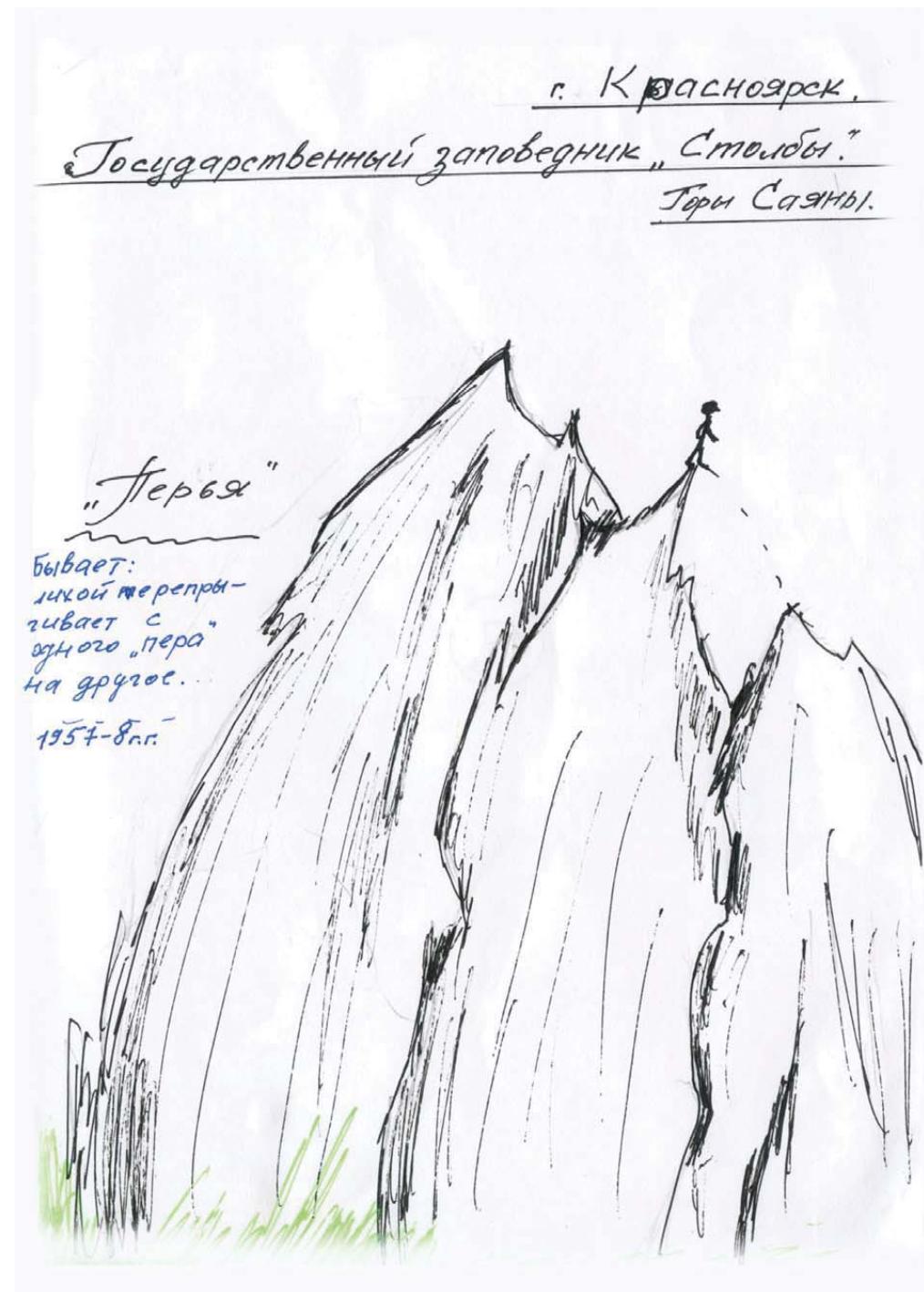
На полочке у меня – подарок от Даниэля, многолетнего знакомого из Гавра – фигурка (литъе из бронзы) Наполеона.

*На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.*

Рядом с ним – Les Etains Du Prince Coffret Ciselé Main.

* * *

Круговорот дней, событий приглушил ту безутешность. По приезде в Ригу в конце августа 60-го года быстро нашла работу в школе, но только в группе продленного дня. «Устроила» режим для сына: спать его укладывала после двухчасовой вечерней прогулки в первом часу ночи,



чтобы он долго спал по утрам, чтобы не беспокоить М.С. – свекровь. Обычно так и было: спал он до одиннадцати утра; я приходила к четырем. И весь вечер я с ним. А в марте мне предложили: приходите работать воспитательницей в детский сад, и сын будет при вас. Так проработала шесть лет. Сын пошел в школу, и вскоре я ушла работать на завод РЭЗ (в школу трудно было без знакомства устроиться).

Занятия с сыном; хотела, чтобы он был трудолюбивым, самостоятельным, находчивым, аккуратным. Ежегодно ездили с ним в Сибирь, Сочи. В десятилетнем возрасте отправила его одного к бабушке с дедушкой в Сибирь (Москва – Ачинск). Дедушка возил внука на пасеку, вез на мотоцикле. Кое-чему сын мой научился за это лето у дедушки, а через год деда не стало. Так что правильно сделала, что отправила малыша одного в Сибирь – на всю жизнь в памяти у него та поездка. А в 11 лет побывал он в Ср. Азии, г. Ош. Там теперь жила бабушка со старшей дочерью. В 4-ом классе учительница спросила, откуда он знает, когда косить сено, собирать мед на пасеке, сколько стоят коровы... А он ведь был у бабушки с дедушкой – видел, слышал, запоминал и мне рассказывал. Сам всегда чинил свой велосипед, из деталей со свалки собирал мопед. В зимнее время – цирк, кино, театр, ездили за город кататься на лыжах.

Отрадное время – работа на заводе «РЭЗ» в АСУ (автоматизированная система управления). Вскоре получила Почетную Грамоту, премию за разработку «Стандартного пакета заданий на перфокартах» (Минск-32). Это была моя победа! Теперь смотрю на этот пакет – ничего не понимаю: нолики, единицы, знаки. Одновременно закончила курсы экскурсоводов, работала в школе по совместительству. А осенью предложили полную ставку в школе. И решила – ухожу с завода.

Интересна была моя первая экскурсия – 3,5 часа по городу. В автобусе – врачи Гражданского флота. В Риге проходил Симпозиум, приехали врачи со всего Советского Союза. В конце экскурсии у Планетария один врач, молодой и веселый, говорит: «А теперь вы послушайте нас». Тут одна из экскурсанток, в возрасте, симпатичная: «Завтра идите к врачу. У вас плохо работает сердечная мышца». – «Что вы! Я здоров!» – Молодой: «Вы слушайте, наш доктор за версту определит диагноз. А потом идите к невропатологу – вы весьма эмоциональны, нас волновали. Спасибо за интересный рассказ, особенно – об архитектуре Старого города...».

Конечно, к врачу не ходила. Но через шесть лет попала в 1-ю городскую больницу. Мигрень, миокард сердца. Отличные врачи были на экскурсии... Интересные люди, с юмором.

Любимейшее место маршрута – Домский собор. Витражи! Орган! Магический инструмент! Даже советская музыка звучала нескованно –

Далеко, далеко, где кочуют туманы...

И видишь даль поля, небо, забываешь про песню...

Экскурсанты любят старинные уочки, где можно увидеть не только готику, барокко, но и модерн. Здесь этот стиль называют – Югендстиль, во Франции – Art Nouveau, в Испании – Modernismo, в России – модерн.

На ул. Алберта – фантазия, изобретательность Мих. Эйзенштейн! Улица всего в один квартал, а создает впечатление камерного ансамбля (как в С.-Петербурге – ул. К. Росси). Здесь игра красок: глазурованные кирпичи ярко-синего, красного, серого цветов; здесь маски, собаки, медведи, сфинксы.

Экскурсии! Благодатное, благодарное занятие, чрезвычайно интересное, сам доволен и других радуюсь! Завод тоже интересен, но это не мое.

50 лет работы. В основном, в школе. Какие были ученики? Умные и не очень. Удивительные! В 70-80-годы в стране было Положение – Обязательное среднее образование всем до 30-ти лет.

Поэтому некоторые учились без желания, по обязанности. В школе № 25 (ул. Стучкас) занятия утром, а в 15.30 – приходили учащиеся профтехучилища – будущие повара, кулинары. Вот мой класс (повара) заканчивает и училище, и школу. В мае выставляем оценки за год. Учитель математики сидит над журналом задумавшись. «Какая проблема?» – спрашиваю. – «Вашей Инночке ничего, кроме «2» не могу поставить». – «Эммануил Исаакович, эта Инночка такие щи варит!» – «Ладно! Пусть сдает экзамены».

Математику, сочинение – можно списать, если умеешь, а устно как?

Вот экзамен по истории. Инночка ничего не знает из билета – о Второй Мировой войне. Председатель экзаменационной комиссии – директор школы Нина Андреевна решила Инночку спасать: «А кто был Главнокомандующим Красной Армии?» – «?» – Н.А. подсказывает: «Грузин». – «?» – Н.А.: «С усами...» – (Инночка обрадовалась): «Чапаев!» – «Ладно. Иди к карте. Может, географию вспомнишь. Покажи Италию!» (Инночка водит указкой по карте) – «Сапожок видишь? А Рим – столица какого государства?» – «Будапешта». – «Иди, готовься серьезно к экзаменам». Спустя несколько лет Н.А. рассказывала об этом на одной из наших встреч. И думала, что я, зачитывая «шедевры» из сочинений, сама сочиняла, для смеха. Нет, так сочинить, как сочиняют ученики – невозможно! Прошли годы. Неожиданно на рынке встречаю Инночку: «Где работаешь?» – «В кафе поваром». – «Все, как должно быть – училась на повара; верна своему призванию, молодец».

А «шедевры» в сочинениях всегда попадаются. Есть у меня Кондитная книга с 1988 года. В нее и записывала «шедевры» до 2006 г. Вот:

Мастер закончил роман о Понтии и Пилате.

Актер начал пить и превратился в свинью.

Мы привыкли, голодные и уставшие, обегать магазины с тоской в глазах и желудке.

А как живет у нас человек? Среднему советскому человеку высказать чувство гнева моментально – очень сложно, если без мата.

Из изложений:

Еще Александр Герцен отмечал, что Чаткий совершил перелет через Северный полюс.

Так Чичиков совершил свой последний подвиг.

Качалов был смелый летчик. (Речь идет о Чкалове.)

(Я похвалила учеников: молодцы, знаете Герцена, Качалова, Чичикова...)

Из устных ответов:

Пушкин родился в Лицее, там учился и жил с бабушкой.

Я вас любил безмолвно, безнадежно, То ГРУБОСТЬЮ, то ревностью ТОМЯ.

«Бабий Яр» – это женская ярость. (11 класс; яростная Оксана).

В начале войны фашисты все наступали и наступали, а наши все отступали и отступали, и впереди всегда были коммунисты.

12 класс, предмет – лингвистический анализ. Задание: Употребление множественного числа вместо единственного – меняет ли смысл?

Ответ:

– И были там (в Киеве) скоропадские. Скоропадские – это скоропадающие. Смысл не меняется.

Русский язык в 5-ом классе:

– Определи части речи в предложении: «Ходили собаки и коты».

– Ходили – глагол, собаки, коты – сущ.

– И – какая часть речи?

– ?

– Эта часть речи начинается на букву С.

– И – это соус.

– Объясни лексическое значение слова КАЛАЧ.

– Это человек, который колотит.

Кондуктная книга полна подобными «шедеврами».

Литература в школе – это историко-культурный предмет. Далеко не агитационный. Часто вспоминаются уроки по Достоевскому, по поэзии Серебряного века... Ученики, кроме поэзии, знакомятся с музыкой, живописью, театром, архитектурой этого времени. Слово – шифр, символ – активно действует на чувства человека; музыка, живопись – это культура красоты, свободы...

В гимназии «Золитуде» была театральная студия. У меня еще недавно были там артисты, ученики 1-5-х классов. Сколько тепла, добра несет со сцены сказка «Аленький цветочек»! Впечатляющими были и «Емеля со своей Щукой», и «Кошкин дом». На представлении был артист Кукольного

театра, дедушка «Козы». Он сказал: «Вашего Кота готов сейчас забрать в наш театр». Кассету «Кошкин дом» подарила, спустя несколько лет, этому Коту – Кириллу Филиппову, когда он заканчивал 12-й класс – в 2011г. Несколько человек из гимназии Золитуде, из участников театральной студии, поступили в студию Олега Табакова, училище им Щукина, ВГИК – закончили.

А спектакль «Рыцарь слова и света» (о Н.Гумилеве)! Сценарий написала по трагедии «Отравленная туника». Исполнители – ученики 12 кл. 34 ср. школы, английской.

Император Юстиниан – Никита Халявин (закончил МГИМО).

Его дочь Зоя – Ирочка Чернова (закончила рижский ин-т).

Императрица Феодора – Аня (закончила Европейский ин-т).

Царь Трапезондский – Алеша Смирдин (закончил Рижский ин-т).

Арабский поэт Имр – Андрюша (веселый человек, закончил вуз в Канаде).

С отчаянным восторгом, наслаждением своей победой, произнесла в конце Феодора слова: «Наступило время и мне сказать всю правду без утайки!».

Аплодисменты, все довольны – зрители и артисты.

Иногда в конце какого-нибудь представления уговаривали участников сбитнем, кулебякой о четырех углах (какую ел Чичиков у П.П.Петуха).

Что-то уходит из памяти, но многое остается.

Есть ли что выше безутешности? Безусловно! Это, кроме семьи, – работа, работа по душе. Жажда жизни. Наверное, не могу сказать, что «не прожила, а протомилась».

Л.Н.Толстой говорил Бунину: «Не ждите много от жизни Счастья в жизни нет, есть только зарницы его, – цените их, живите ими».

Так многообразна и интересна жизнь!

* * *

Весной 1977 года я познакомилась с ленинградским журналистом Юрием Алексеевичем Ростовцевым (позднее – редактор «Студенческого меридиана»). Он приезжал в Ригу, некоторое время жил у меня (ул. Суворова). В это время он писал о творчестве В.С.Пикуля (он жил недалеко от меня – ул. Стучас). Вот прихожу к нему (жена – Вероника Феликсовна, приятельница по Ленстудии Веры Пановой) – встречает у двери Гришка (по Григорию Распутину) – коричневый весь пес. Его называли так тогда, когда шла работа над романом «Нечистая сила». Уже в коридоре – полки с книгами, портретами известных людей с конца 18 века. Впервые увидела портрет одного из почитаемых мною полководцев – А.В.Колчака, девиз которого – «Я служу своей Родине». 8-го марта получила подарок от писателя – журнал «Аврора», № 2. Пили чай,

Вероника Феликсовна рассказывала о жизни после войны, показывала редчайшие книги по живописи... Позднее, через год, она скажет о Ю.Ростовцеве: «Хочу увидеть хоть одну непривлекательную черту в нем – нет! Правильный молодой человек, и воспитанный, и симпатичный...».

Прочитала миниатюры Пикуля, поехала с учениками в Ленинград. Повела их в Эрмитаж, где показала картину Гро «Наполеон на Аркольском мосту» – только что читали о мечте князя Андрея Болконского, потом – смотрели Военную галерею полководцев войны 1812 г. Затем – Русский музей – надо показать «Иду Рубинштейн» – картину В.Серова (на уроках знакомились не только с поэзией Серебряного века, но и с некоторыми художниками тех лет.).

Юрий Ростовцев пишет: «За четверть века Пикулем написано 20 романов, свой авторский гонорар за издание романа «Фаворит» Валентин Саввич передал в Фонд мира.

Очень интересна миниатюра «О закройных дел мастерице» Надежде Ламановой. Позднее читала о ней в книге Александра Васильева «Красота в изгнании». В 1925 году Ламанова получил Гран-при на выставке в Париже. Она готовила женские костюмы, например, к пьесе М.Булгакова «Зойкина квартира».

Пикуль писал: «Костюм должен не только не мешать человеку, но помогать ему жить, радоваться, горевать и трудиться...». В.Серов написал портрет этой мастерицы.

В романе В.Пикуля есть главы об Артемии Волынском, допущенным к писанию проектов. «А кого учить задумал? Государыню свою! Монархиню? Самодержицу самовластную? Да ведаешь ли ты, что цари ошибок не имеют?» – кричала она. И Волынский, и архитектор, председатель Комиссии регулярного строения Е.Еропкин были казнены по указанию императрицы. Вот везу я учеников к Сампсоньевскому собору, при нем – закрытое кладбище, где захоронены оба деятеля. На памятнике надпись: «Волынский был добрый и усердный патриот и ревнителен к полезным поправлениям своего Отечества». И ниже: Екатерина II. (Это к тому, что полезное дело не проходит бесследно). Потом веду по местам героев романа «Преступление и наказание». Идем, считаем шаги – 730 от ворот дома Раскольникова до Кокушкина моста, где жила процентщица.... Ученики удивлены – как хорошо Достоевский знал город! Как все совпадает! (Я припомнила им, жившим в Золитуде, что они не знают даже, где в Риге Бастионная горка!..)

Чтобы вспомнить Пушкина, показываю Медного всадника, дом-музей поэта. Потом – везу на Васильевский остров в кафе «Фрегат». На стене плакат: «Первый не пей, будьдержан, избегай пианства. А вилками и ножами по скатерти не черти. Петр I».

Побывала с учениками и в Москве, и в Михайловском... Пусть знают и о себе: откуда они, где они, что делают, зачем, как... Достойно жить

помогает великая литература, культура, а не только семья и школа... Что-то пригодится в жизни для того, чтобы строить свои замки надежды «под управлением любви»... В жизни средь неудач всегда есть место удаче, как говорят, «фортуна мягкой походкой когда-то подкрадется».

Для жаждущих жить шелестит лист багряный белой бересклета, резной лист клена, рябины, калины красной!..

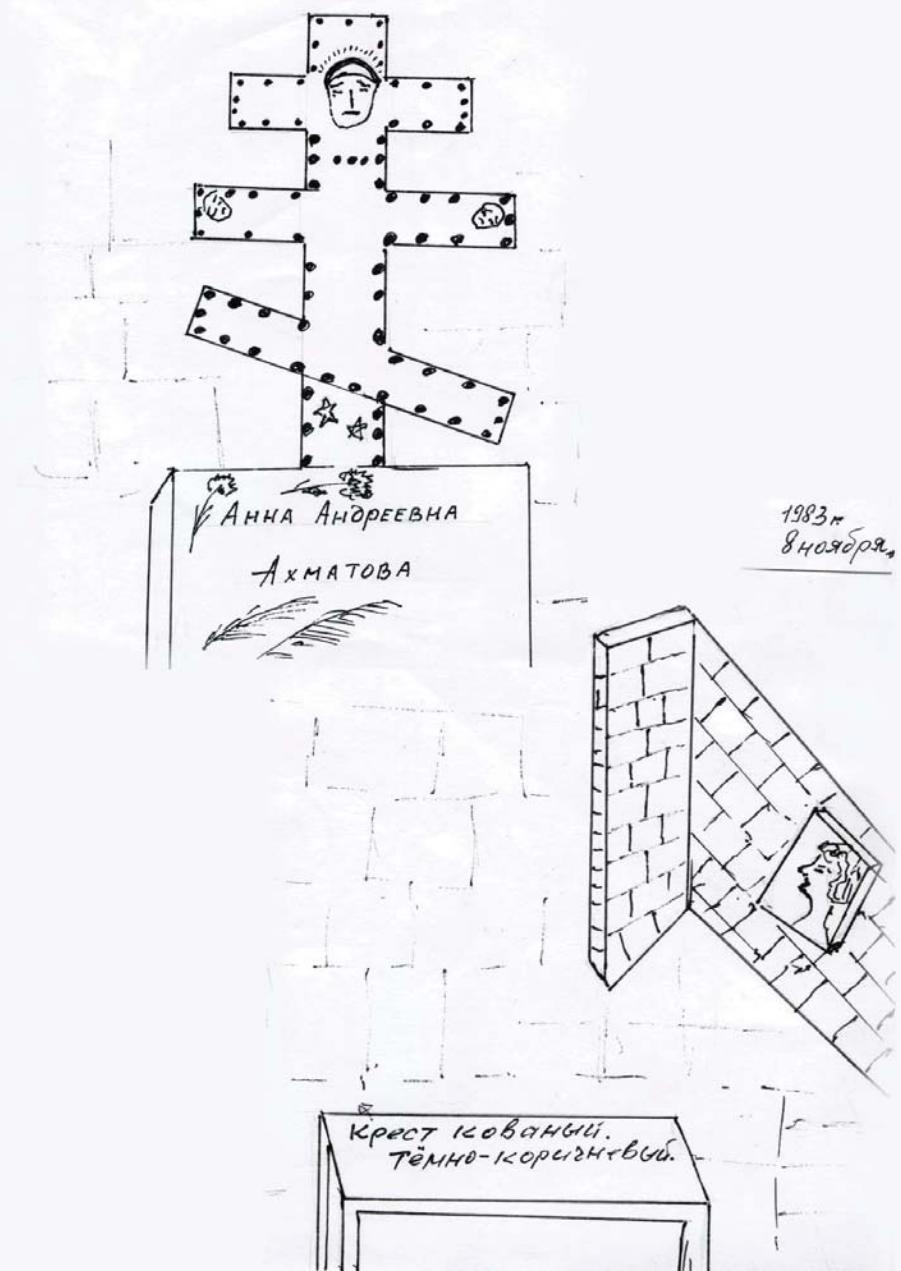
А.И. Гро. „Бонапарт на Аркольском мосту.“ 1796. Лувр.



А.

12 класс
Экскурсия

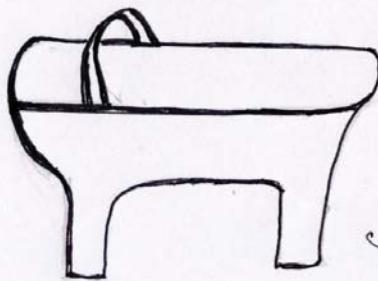
Комарово. Ул. Озёрная.



Маруса. Музей-усадьба
Поленово.

1983г.

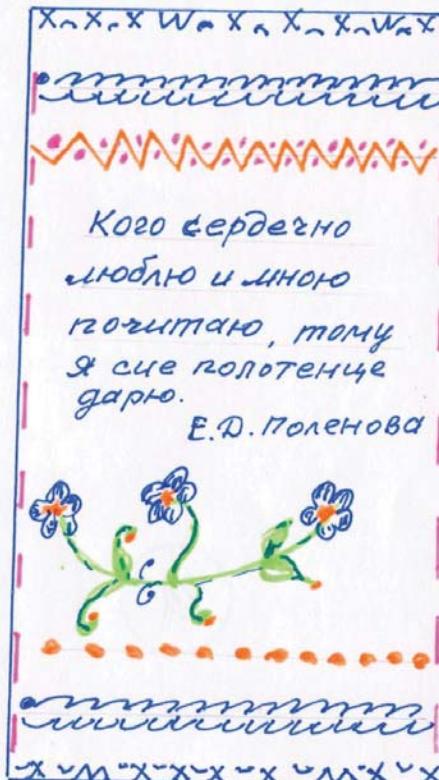
Европейский уголок:
Библиотека.
Камин!
Икона-Мадонна
Сиенская
(ступня закрыта -
до 30-х годов 16в.)



Комурны
(турция).
Античный театр.

Обувь с очень толстой подошвой -
комурны - надевали трагические
актёры, чтобы придать облику
величие, торжественность.

Музей-усадьба Поленово.



Вышивка сестры
художника,

Притчи Соломоновы

*Огороженный судьбой, ты все же не отчаивайся!
(К.Прутков)*

*В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой
сокрыт.
(Архилох, VII в. до н. э.)*

В прежние времена мы получали информацию о жизни страны на уроках, из газет, радио. Первые сведения о каком-либо событии – по радио. Радио! Было оно в виде черной тарелки, висело на стене в углу. Потом появляются транзистор, телевизоры... Как-то в 80-е годы ученики – выпускники школы мастеров (были такие при средней школе, на заводе) подарили мне Spidolu – известный в СССР транзистор, изготовленный в Риге на заводе ВЭФ.

Можно было слушать «те» голоса – радио «Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна» – ночью, часа в три-четыре, а в другое время хорошо глушили (один из глушителей был на ул. Пернавас). Слушала в основном литературные передачи. Купила магнитофон, чтобы записывать интересные произведения и слушать песни В.Высоцкого на магнитофонных лентах, которые покупала на книжном «черном рынке». Места рынка менялись: Шмерли, Бикерниеки, около Института физкультуры, Бабите. Менялись потому, что милиция разгоняла; особенно удачно ей это удавалось с помощью воды из шланга, поливали и продавцов и покупателей. Друзья едут с рынка у Бабите и заходят ко мне в «штаб-квартиру» (ул. Мелнисла, 24). Рассматривали купленные книги, беседовали, пили чай или кофе, так мирно и хорошо!

В 1981 или 1982 г., в феврале, здесь, в квартире, мои приятельницы познакомились с кандидатом философских наук из Москвы А.Сидорченко. А я узнала его, можно сказать, случайно. В 1980 г. на торжественном выпускном вечере в Школе мастеров выпускник Язеп П. отметил отличившихся учителей по спецпредмету – Якова и меня. На вечере, в ресторане «Юрас перле» Яков спросил у меня о Маяковском, ответила, как он сказал, нестандартно. И через полгода познакомил меня с А.С. Человек с отменной памятью! Одна из приятельниц постоянно говорила ему – ты, пожалуйста, объясни мне по пунктам, чтобы поняла. Он так и называл ее

потом Попунктам. И он охотно и подробно ей объяснял, глядя ясными глазами на нее, как на ученицу. Иногда говорил про себя:

*Полководец с шеейю короткой
Должен быть в любые времена.
На короткой, незаметной шее
Голове удобнее сидеть –
И душить значительно труднее....*

А.С. оставил у меня машинку, я согласилась отпечатать его рукопись о Вл. Высоцком. Квартиру стали называть «штаб». В дни пребывания А.С. в Риге в этом «штабе» собирались еще две мои коллеги-приятельницы. Очень интересные были беседы. А.С., приезжая, спрашивал: «Когда придет Лена и Попунктам». Разговор шел о литературе, чаще – о Солженицине, о рассказах, об «Архипелаге», о «Бодался теленок с дубом»... К лету этого года отпечатала рукопись А.С. «Прометей мятежной юности (о стихах Высоцкого и не только)».

25 июля того же года мы с Сидорченко посетили Ваганьковское кладбище, там были артисты «Театра на Таганке» и тьма народа... А цветов у Высоцкого! Потом приехали к дому, где жили Б.Ахмадулина и Б.Мессерер. Зашла я в квартиру – большой холл, в переднем углу икона... Объяснила причину визита. На улице Сидорченко передал художнику свою рукопись о В.Высоцком. Б.Мессер – изумительно деликатный, серьезный, внимательный человек!

С 1980 года, когда приезжала в Москву на 100-летний юбилей А.Блока, на Ваганьково к Высоцкому ходила часто, и учеников возила. Вот мы, ученики, – на Воробьевых горах, МГУ; пошел дождь, никто не хочет выходить из автобуса.

– Нет, говорю, выходим. Смотрим panoramu города!

Какое великолепие! Потом везу их в троллейбусе в Елохово, в Богоявленский собор, рассказываю – здесь крестили Пушкина... Прошли годы... Году в 2008-ом меняю валюту в киоске и слышу: «Здравствуйте, А.В.! (бывшая ученица). Никогда не забуду ту поездку! Дождь, а мы стоим и смотрим – вон Лужники, там Кремль... Но главное – вы нам говорили об иконе Богоматери в каком-то соборе и повезли нас». Спрашиваю у нее: «А на чем мы ехали и сколько минут – 30-20?» – «Минут 30». Напомнила ей, куда мы ездили. Люда говорит: «Я сразу в этом соборе подошла к иконе и шепчу: «Помоги мне помириться с подругой!». Вдруг и подруга – к этой иконе. «Люда, давай мириться!» Как это забыть?! Спасибо вам! За все!».

Конечно, такие слова приятно слышать. Вот и в этом году – 27 апреля была встреча с выпускниками 1996 года. Пришли в кафе «Zelta pakavs» (во дворе – развлечения для детей) с детьми от 1,5 до 6-ти лет. Все ребятишки получили от меня скромные подарки; мальчики – машинки или

мотоциклы, девочки – куклы и книжки «Читаем по слогам. Книжки-раскраски». Наташа, дочь Рамоны, прочла большое стихотворение, с мимикой, жестами… покушали, побежали во двор под присмотром Димы – мужа нашей Юлии. Замечательные детишки: Алиса – дочь певуны Ани, Лаура – очень скромная дочь Вики, Илья – словоохотливый четырехлетний сын Лены С. Иные не пришли – больны были в этот день. Как прекрасны мои взрослые ребята! Все образованные, работают, обеспечены, все водят машину… Пришла Наташка Р. – давно ее не видела, – анестезиолог, ее сыну Тимуру Олеговичу 4 месяца… А у Натальи О. – три дочери! У Иrenы – две, у Наташи Ж. – красавицы – одна… у Влада Андреева – сын, а у друга его, Зорича (Александра Зарезина), еще нет детей… Это они, мои выпускники 1996 г., устроили мне поездку в Израиль (там родители Иринки Панфиловой – сама она уже в Канаде, там же и наша Любочка Медведева) – обеспечили дорогу туда и обратно. В 2010-ом году.

Встречи бывают и с выпускниками 1976 года, (организатор – Валя Ершова), 1988 года (организатор – Язеп). Реже встречи с выпускниками 2002 г. – они не так устроены в жизни как предыдущие: условия совсем другие – не так просто найти работу.

Пусть жизнь иногда делает им подарки, они это заслужили.

Наступил 1984 год. Ничего экстремального не предвиделось. И вдруг – в 6.00, 20 апреля, звонок в дверь. Около дивана – столик, на нем магнитофон, изданная на Западе книга о Б.Пастернаке, на книжной полке – «Архипелаг», подаренный мне Федором, учеником Школы мастеров, и рукопись А. С.

Бегу к двери – наверное, кто-то из Лиепаи (поезд в это время приходит). Открываю дверь – стоят двое высоких, красивых: «С обыском»! – «Ах, извините, negligent!» И бегом в комнату, прячу книгу о Б.П. под подушку (а надо бы спрятать «Архипелаг»).

А мою «фамилию, имя, отчество» уже знали в КГБ.

Вот они уже в комнате. Один спрашивает: «Вам известны Лариса П., проживающая по ул. Горького, и Зелма К., проживающая по ул. Стабурага? – (он специально перепутал их адреса; из этого вопроса поняла – надо сознаваться в том, что на поверхности, в том, что известно точно...) – «Да, известны». – «Я правильно назвал их адреса?» – «Вы хорошо знаете это».

В это время зашло еще человек 10. Взяли ключ от почтового ящика, а от подвала, говорю, нет у меня ключа, я им не пользуюсь, к тому же, говорят, там много грязи». – Ушли. Вернулись. Один: «Какая там грязь!» – «Я же предупреждала вас. Надо верить».

Часть народа ушла, осталось пять человек. Предъявили ордер на обыск. Один сел писать протокол:

20 апреля. Обыск начат в 7-30 мин.

Ст. следователь по особо важным делам Следственного отдела КГБ ЛССР подполковник Карклиньш, майор Нейланд, сотрудник КГБ майор Ласманис в присутствии понятых Данцис А.А., Озолиньш Б.Г.

Цель: отыскание, изъятие документов и предметов, имеющих значение по уголовному делу.

Вопрос:

– У вас есть литература, сочинения антисоветского характера?

– У меня есть работа Ан. Сидорченко «Прометей мятежной песни» о В.Высоцком. Но это не клеветнические записи, это опыт социологического исследования творчества поэта. Работа эта на книжной полке.

– И все?

– Да, и все.

Начнем обыск. Троє берут книги, трясут, листают. Один увлекся, что читает (кажется, в руках у него Бунин).

Говорю:

– Вот, видите, интересней читать, а не листать… и, пожалуйста, осторожно, стекло может упасть, плохо держится, и книги ставьте на место.

Читающий как-то «починил» стекло – не падает. Другой стоит наблюдает… двое вынимают из шкафов «подозрительные» мои записки; тот, стоящий, говорит – эту записку – направо: она слушает радио «Свобода», записывает…

Какое зрение! Какая память: знает, – что передают по какому-либо радио. У меня была привычка – если слушаю ночью, спать хочу – пишу только два-три предложения, утром вспоминаю – о чем была речь. Вот такую записку он и обнаружил. Знала о том, что нельзя оставлять копирку, у меня ее и не было, кроме учебных: печатала отрывки из произведений, чтобы раздать ученикам на парту. Вот такую копирку один разглядывал со всех сторон. Вижу – «Кому на Руси жить хорошо». Взяли ее с собой! Все, что оставляли, налево, – что к ним – направо (все подозрительное – на полу лежит).

Сижу я в кресле, в халате (нельзя было ничего убирать – ни постель, ни одежду) который уже час и мучительно думаю, что скажу, когда спросят про сумку, лежащую в шкафу. Нельзя никого выдать! А еще – терплю! Кошмар – вечером выпила слабительное. Выходить нельзя – не рекомендуют знатоки подобных операций. Уже отложена большая стопка для них: «Архипелаг», рукопись А. С., мои записки (их мало, безобидные, на мой взгляд), моя записная книжка (тут я возмутилась – зачем?) фотографии русских царей (тоже возмутилась – причем они?), магнитофонные ленты… И вдруг один – А это что?

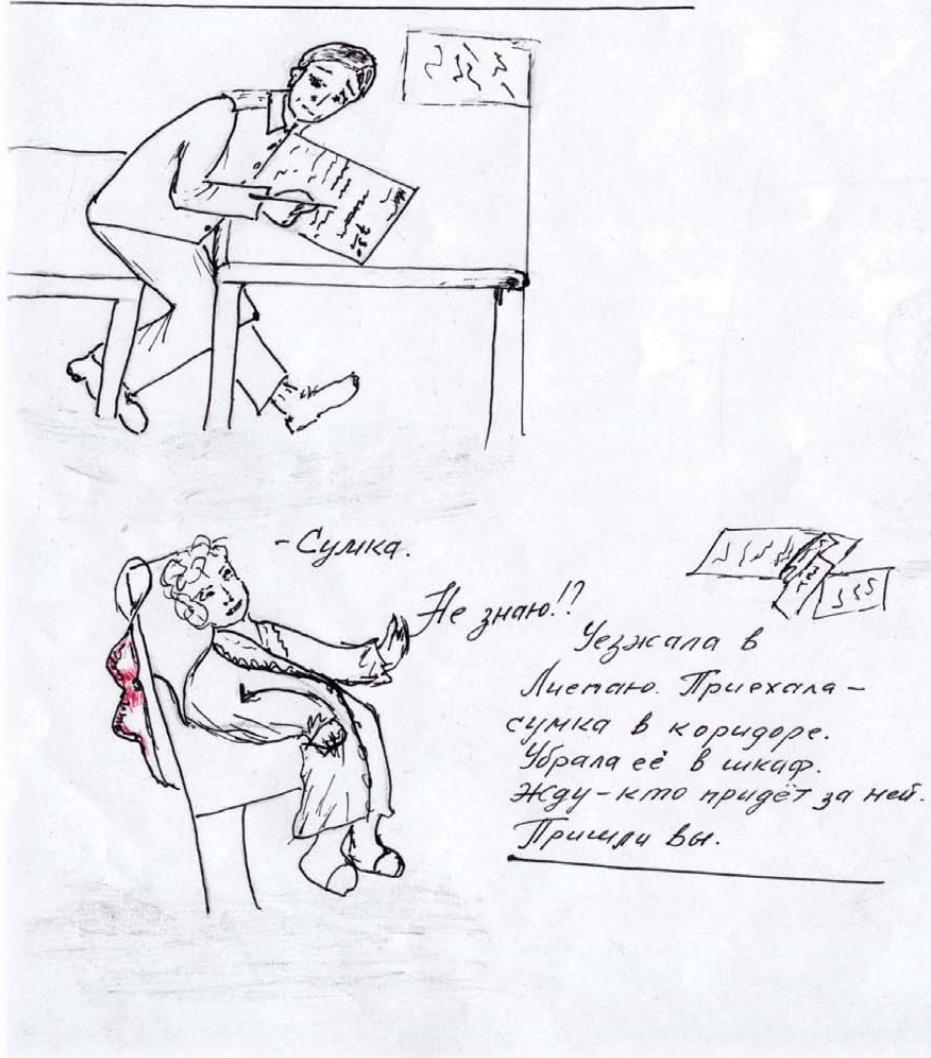
Комитет Государственной Безопасности Латвийской ССР.

г. Рига. Мелнесла 24-15.

20. IV. 1984.

Протокол обыска.

Народ 7³⁰



Рига.

20.IV.1984г.

- Сумка.
- Чья?
- Не знаю.
- Что в ней?
- Не знаю. Чужие вещи не открываю.
- Но откуда она?

- Меня дома не было. Мама сказала, что заходил мужчина, спросил меня и можно ли оставить сумку. Оставил. А кто это был – не знаю. Жду, кто придет за ней – пришли вы. (Не понравился им мой ответ).

- Может, ее оставил Ан. Сидорченко?
- Не знаю. Меня не было дома.

В другой комнате потрясли мамины тряпочки. Посмотрели в духовке, в туалете, в холодильнике – везде, где есть какая-то емкость. Все, что для них, – сложили в новенький, из сургучной мешковины мешок, на кухне приготовили сургуч, им и печатию КГБ скрепили завязки.

– Идите выпейте кофе и поедемте с нами.

Какой кофе? Иду в туалет! Там думаю о листочке со стихотворением о Сталине усатом О.Мандельштама. Взяли они его или нет? Лежало оно отдельно, в шкафчике, где документы.... Под стихотворением подпись – Лена. Думаю, – спросят – кто эта Лена? Не знаю, что сказать. Придумала: пришла в комнату, озабоченно ищу в сумочке то, чего там нет. Спрашивают:

- Что-то потеряли?
- Да, была у меня здесь мазь «Корейская звездочка» – сейчас нет.
- Корейская звездочка лежит в шкафчике, их там две.

Открываю шкафчик, смотрю в одну книжечку – там лежит листок! Все, не надо беспокоиться – спросят ли про Лену? А это мне писала моя племянница в письме.

Когда выходила из туалета, говорю им – «Предлагаю вам кофе» (знала, что откажутся).

– Спасибо. А теперь одевайтесь и поедем с нами.

Обыск закончен в 13-10.

Они вышли. Я маме говорю: «Мама, приду как обычно, вечером». А она: «Это ГПУ»? – «Да, все нормально, мама, не волнуйся». Улыбнувшись ей, вышла за ними. Едем в белой машине. Я – впереди, двое – сзади. Выражала недовольство:

- Зачем взяли магнитофонные ленты, ведь В.Высоцкий не запрещен!
- Проверим.
- А читали вы книгу «23 ступеньки вниз»?
- Нет.
- Вот, если бы читали, наверное, не взяли бы фотографии царей. А они куплены! Да и в книгах есть портреты; зачем эти, купленные?
- Разберемся!

Книги, записи, магнитофонные ленты, чистые конверты, фотографии царей... – всё положили в добродушный из ткани радио мешок, скрепили сургучом с печатью КГБ.
И поехали...

Ч. Ленина
Ф.Энгельса.



Приехали в КГБ.
Пятница, 20 апреля 1984 г.

*...если будут склонять тебя
грешники, не соглашайся.*
Притчи Соломоновы

Здание на углу ул. Ленина-Энгельса. Тогда оно было красивое, в стиле модерн; сегодня – жалкий вид, труха.

Ведут по узкой крутой лестнице, витой, мало освещенной, на 4-5-й этаж. Комната следователя Ломакиной Н. (в 90-е годы – ст. следователь).

– Имя, отчество, фамилия.

Ответила. И вдруг неожиданно для себя:

– Почему у меня взяли записную книжку, подшивку стихов В.Высоцкого, незапрещенного поэта!

– Все проверим. Вы религиозны?

– Не успела ею стать.

– Но в записной вашей есть записи на религиозную тему.

– Потому и в записной книжке, коль не в сердце. Например, что такое плащаница? Не знаете? И я не знаю. Завтра Пасха. Дала задание маме – хорошо посмотреть, – какая, когда ее выносят из алтаря... А слышали о рок-опере «Иисус Христос – суперзвезда»? Чрезвычайно интересный факт – обычно в опере положительные герои – тенора, отрицательные – басы. Помните – Мефистофель – Шаляпин. А здесь Иуда – тенор...

– Хватит! (грохнула прервала).

– Вот видите, интересно. А прошло минут пять – и не заметили!

– Откуда у вас сумка в книжной секции?

– Не знаю. Уже говорила об этом.

– Отвечайте на вопрос!

– Дело в том, что 22 февраля я уезжала в Лиепаю на день рождения Марии Сергеевны, моей свекрови, на 80-летие. Вернулась – в коридоре сумка.

– И мама ваша не знает, кто принес?

– Не знает. Недавно со мной живет, незнакомы ей мои знакомцы.

– На чем вы ездили в Лиепаю?

– На самолете. (Как хорошо, что ездила не на поезде, не на автобусе, а на самолете!)

– Вы читали Солженицына?

– Да.

– Поняли, что это клеветнические, антисоветские произведения?

– Прочла одну. Не думаю, что клеветническая. Подобного ничего не читала. Где, скажите, такая книга, чтобы сравнить с «Гулагом»? С 19 века известно – запрещенное – правдивое! Пожалуйста, – «Письма Чаадаева»...

– Не сравнивайте! Времена не те. Вы же учитель! Как можете работать в школе с такими мыслями?

– Нормально работаю; в школе – программа, по программе экзамены; ее и надо выполнять.

– Вы считаете – правильно поступаете?

– Да. Учитель должен знать больше программы.

– Вы – словно из литературы 19 века.

– Нет. Учитель советский, старательно отношусь к обязанностям. А чтение – лучшее занятие в свободное от работы время. А радио – столько можно услышать интересных литературных передач!

– Интересуетесь не тем! Радио, но какое? Мы поинтересовались вашей работой в разных местах (с 60-х годов!). Вам надо памятник ставить! А мы вас хотим сурово наказать!

Неожиданно появился еще следователь. Выпучив большие черные глаза, сурово сказал:

– А теперь честно, как советский учитель – отвечайте. Не то плохо будет и вашей семье. Что вы читали Солженицына?

– «Архипелаг ГУЛАГ». (Эта книга была не в сумке, а на книжной полке, моя личная. Издана в Париже. Подарила мне ее в 1978 году один ученик, сказал: «Дарю надежному человеку». Книга мне эта дорога – подарок с такими словами!).

– А в сумке еще какая литература?

– Этого я не знаю. Уже говорила не раз – не открывала. Привычка – чужое не брать. Была в Лиепае, в мое отсутствие появилась сумка. Жду – кто за ней придет. Пришли вы.

– Кому «Архипелаг» давали читать?

– Никому. Я же в школе работаю.

Ушел, недовольный.

Попросила таблетку от головной боли. Ведь с 6-ти утра ни крошки, ни капли во рту; подступила мигрень неожиданно, легко заподозрить в симуляции... Но у них, конечно, нет таблетки.

– Откуда у вас подшивка стихов Высоцкого?

– Из Москвы. У Ваганьковского кладбища можно купить кое-что. (Эту подшивку стихов В.Высоцкого в 1980 г. мне подарила дорогая Валентина Ивановна, диспетчер Шереметьевского аэропорта.)

– А зачем вам портреты царей?

– Странно. И в учебниках есть они. А какая фотография семьи последнего царя! Вы читали книгу «23 ступеньки вниз»? Интересная, с фотографиями. О расстреле этой семьи.

– Довольно!

Появился опять тот, с черными глазами.

– Ваша приятельница Зелма говорит, что вы с А.С. ездили на Взморье. Куда?

– Спросите у нее. Она лучше меня знает Юрмалу.

– Когда, к кому?

В июле Сидорченко с кем-то в Юрмале встречался, минут на 10.

– Приятельнице давали читать книги?

– Нет. Не считала нужным.

– О чем пишет Ан. Сидорченко?

– О Высоцком.

– Кто у вас бывал, когда приезжал он?

– Никто.

– В Москве вы с А.С. были у гражданина Владимира Гершуни?

– Не знаю такого. (Хотя мы встречались с В.Г. у него работе. Этот В.Г. молодым был там же, где Солженицин. В.Г. говорил, что он благодарен Солженицыну: тот помог обрести «новые зубы»... О В.Г. Солженицын пишет в «Архипелаге»).

– Где были, находясь в Москве?

– На Ваганьковском кладбище, у «Театра на Таганке»...

– Какая между вами и Ан. Сидорченко связь?

– Книжная.

– Но он же антисоветчик!

– Не заметила.

Ушел.

– Зачем вы записывали передачи по радио «Голос Америки», «Свобода»?

– Во-первых, интересные передачи по литературе и – чтобы не забыть.

– С кем-то делились впечатлениями?

– Пока нет. Записываю для памяти.

– Сегодня допрос окончен. Мы еще до основного не дошли. В понедельник к 9.00 – сюда.

Два дня впереди, чтоб собраться с мыслями, отдохнуть от этого длинного дня, от неожиданного шквала вопросов. Два дня думаю – как «выскочить» из ОСНОВНОГО вопроса.

Вспомнила, что здесь, в главном здании КГБ несколько дней томился Ю.И.Абызов. (Об этом он мне однажды сам сказал.)

*Жить, соизмеряя свои поступки,
слова, мысль.*

И.Ильин

ОСНОВНОЙ вопрос – это листовки, расклеенные в Риге. В них названы фамилии правозащитников – генерал П.Григоренко, поэтесса Н.Горбаневская ... о фашистской медицине в СССР.... На листовках должны остаться отпечатки моих пальцев (так думаю). Но как долго они

сохраняются? Мне это нужно знать! Иду к знакомому, который в курсе «дел»; вероятно, знает ответ на мой вопрос. 11 часов вечера; кто-то отвечает через дверь: «Его нет дома, он на рыбалке». – «Пусть позовут мне, когда будет дома».

Никто не позовил.

Появилась идея: за какое время можно прочесть незнакомый текст размером в листовку? Так, 30-40 секунд, т.е. надо просчитать до 30-ти... Ведь в понедельник непременно должны спросить – знакома ли мне эта бумага. И Морфей – «друг-утешитель» не помог; и должна я идти навстречу «основному «вопросу» неготовой к ответу.

Понедельник. 23 апреля. Пришла в школу пораньше – надо как-то заменить мои уроки. Завуч уже в учительской. Стою у расписания и говорю, не глядя на нее: «Хорошо, что осенью ничего вам не могла дать прочитать. Сейчас иду в КГБ».

Смутившись, испуганно говорит: «Идите, я заменю уроки».

Иду. Как хорошо, когда есть «вдруг»: вдруг вспомнила, читала, может быть, у Агаты Кристи, – отпечатки действительны 16 часов. Неужели так? Так это же прекрасно! Как здорово! Ответ есть!

С отличным настроением захожу к следователю.

– Что-то вы с утра весело настроены?! – спросила следователь.

– Хотите сказать – рано пташечка запела?..

– Итак, продолжим. В вашей записной книжке слова – КПСС – ум, честь, совесть. Для памяти? (иронически).

– Видимо, в связи с чем-то.

– Странно. А слово Катынь – тоже в связи с чем-то?

– Да, в связи с чем-то, чего мы не знаем, не знаем точно.

– Ясно, радио слушаете. Вы помогали Ан. Сидорченко! Хорошо печатаете!

– Я не умею печатать.

– Нет. Даже хорошо умеете!

– Если одним пальцем хорошо, значит, вы правы.

Пришел еще один следователь.

– На какой машинке печатали?

– На красной. (Смотрят на меня удивленно, будто говорят – из какой пещеры?).

– Как она называется?

– Не знаю.

– На импортной?

– Нет.

– Почему так считаете?

– Потому что на ней написано латышское имя – Эрика.

– Это импортная машинка, – говорит он.

– Говорю же – не знаю. И вообще знаю только два типа машин – такси и грузовые, а о печатных – не имею представления. На красной машинке печатала.

Ушел и этот, недовольный.

На какой машинке печатала? Ответ на этот вопрос разрешал (или почти разрешал) проблему – кто печатал листовки?

На «красной» машинке (не знаю ее названия) я печатала рукопись А.С.

А листовки – на другой, т.к. на ней можно было сразу больше экземпляров отпечатать (4 или 5).

Расклеивали мы их вдвоем. Из тюбика выдавливаешь клей на листовку, миг – и она уже, например, на спине дважды Героя соц. труда А.Пельше (памятник около ЦК КПЛ на ул. Кирова); потом около КГБ и т.д. Около 70-ти объектов с такой листовкой. Мы видели раза два людей (парами), медленно идущих по улицам; была ночь – около 2-х часов. Оказывается, в эту ночь (перед каким-то не то съездом, не то пленумом компартии – февраль 1981 или 1982 г.) был усиленный патруль... Но мы с ним вплотную, к счастью, не столкнулись.

В результате – ушла я (почти ушла) от подозрений. Содержание листовки какое-то время помнила.

– Вы читали запрещенного Солженицына. Знаете, что это наказуемо, – продолжает следователь.

– Читала, но не распространяла.

И тут – как в детективе: следователь открывает медленно свой стол, молча вынимает папку, развязывает шнурок и резко, звучно кладет передо мной листовку. Я вижу – оборотная сторона ее – черная; эта листовка была на двери моего дома, где раньше жила; дверь, вероятно, только что выкрасили – краска была свежая.

– Это ваша работа! – уверенно, утвердительно, беспрекословно, победоносно почти крикнула она.

Я молча выразила удивление.

– Первый раз в жизни вижу листовку. Вспоминаю молодогвардейцев с их листовками. (Читаю, считаю до 35, хочу задержать внимание на содержании.)

– Прочли?

– Еще нет, интересно.

И так же – утвердительно и спокойно кладу листовку перед ней.

– Нет. Это не моя работа.

– Эта листовка была на дверях вашего дома.

– Какого?

Не ответив на мой вопрос, сердитая, сдвинув брови, быстро положила листовку в папку, в стол и нервно: «Завтра в 11.00 приведите маму сюда».

– Мама чем может вам помочь? Она ведь недавно у меня живет.

– Ничего, на 2-3 часа. И придет за ней.

После этого под присмотром их сотрудника пошла в туалет. Что там увидела! Но об этом следователю не сказала. На всякий случай приберегла это, может, пригодится.

Следователь еще спросила: какая ваша семья?

– Сын и два孙女.

Помогаете?

– По необходимости и возможности.

Зашел следователь: «Подумайте о семье».

– Спасибо за совет. Мне нужна справка на работу, что я не прогуляла два дня.

– Пожалуйста. И подает мне.

– Но мне такая не нужна!

– Какая?

– Здесь печать КГБ. Наша школа – одна из лучших в Риге! От такой справки – только инфаркт коллектива во главе с администрацией.

– Другой справки не можем дать.

– Пусть меня уволят за прогул, но эту справку оставляю вам. И – как они – резко положила на стол

– Завтра к 11.00 – сюда! До свидания!

Вышла. Как будто сбросила с плеч тяжелый груз. С таким легким чувством иду домой. Настроение бодрое: «выскочила» из ОСНОВНОГО вопроса как воробей из проса. «Одежда» разума, можно сказать, по своей мерке.

*День добрый! Протяни мне руку!
Иль не стою?*

A.Мицкевич

Мама была у них два часа, вернее – час-полтора. Что она могла им открыть? Она вообще-то неразговорчива, а чтоб им рассказать обо мне – нет; мама знала цену слова. Могла сказать только – работает дочь много в школе и дома не сидит без дела. Пришла за ней. Сидит она в коридорчике для перекура. Напротив – амбал, дым табачный – на маму. Как я разъярилась!

– Как вам не стыдно! Где только вы учились! Кто вас таким родил?!

А он снисходительно улыбается – глаза «наливаются голубую блевотой». Думаю – сейчас меня прихлопнет как муху. Нет, молча встал и ушел.

Апрель кончился. В школе все благополучно.

В те дни сказала приятельнице на работе: «Если тебя вдруг вызовут в КГБ – ты ничего не знаешь о книгах». (Это о книге – Переписка Б.Пастернака с сестрой. – Она сохранилась у меня – лежала под подушкой, ее не заметили. Книгу спрятала потом на даче у этой Валентины, под

кустом малины. Летом решила забрать и отдать хозяину – Борису Равдину. Но книги не оказалось: Валентина перепрятала ее – оказывается, книгу я зарыла под кустом на даче соседки-прокурорши. Не нашла книгу, уехала расстроенная. Но приятельница позднее принесла ее мне – гора с плеч; кроме этой книги, сохранились еще две, в т.ч. – Солженицын – давала читать другой приятельнице – с ней-то и велись у нас разговоры о книгах, передачах по радио...)

Через день встречаемся в коридоре школы с Валентиной. – «А меня вызывали. Хорошо, что предупредила – не было неожиданностью. Ответила, что встречаемся, ходим в кино, в кафе. Ничего не слышала об А.С., не видела никаких книг, кроме классики».

Молодец!

Другая, с которой читали эти книги, беседовали, которую А.С. называл Попунктам, в коридоре школы, когда шел урок, – никого нет – говорит: «Если меня спросят, – все скажу, что знаю». – «Ну и дура!», – ответила ей. А самая близкая собеседница, которой давала книги, на мой звонок в дверь (в мае-июне) не вышла, отправила мужа. Он мне вынес две книги «моих». Ну что сказать? Страх сидел в людях и в эти годы. Прощать мне не трудно.

А в мае неожиданно домой пришла следователь.

– Что вас еще интересует? – спрашивала.

– Вы так и не ответили, чья была у вас сумка с запрещенной литературой. Так чья же и откуда она у вас в шкафу?

– Сколько раз объяснять! Всем следователям говорила – не знаю.

– Довольно! Храните, читаете запрещенную литературу, помогаете антисоветчику. Работаете в школе, совместимо ли это? Черная у вас душа!

– Совместимо. Знаете – потерять совесть – гнусно! Да, помогала Сидорченко, он несчастен. А в школе есть программа – ее надо выполнять. Ученики хорошие, они обязаны учиться, и я им помогала освоить эту программу, работала на совесть. А вот душа черная у вас, а не у меня.

О! Как она удивилась! Не помню, какой вопрос задала мне. А я ей:

– Помните, я выходила у вас в туалет? Так вот, проводил меня ваш сотрудник, остался за дверью. Что я увидела вместо туалетной бумаги? Трудно представить? Фантазии не хватит. А были там аккуратно вырезанные из газеты портреты. Каждый листок – фотография члена Политбюро КПСС! Избранных недавно.

(Удивленно и нервно): «Почему вы сразу не принесли мне, не показали?».

– А вы бы мне – это ваша работа! Нет, это как раз ваша работа. Знаете, у меня были хорошие учителя, особенно в начальной школе. Нам внушали – нельзя использовать в каких-либо нуждах газету, если в ней есть портрет известного человека... Очень хорошо внущали! На всю жизнь! А у вас в КГБ – портреты – для туалетного пользования! Я просто была изумлена,

ошеломлена! Так скажите – светлая у вас душа? Извините – отнюдь! Цинизм, лицемерие. Черная душа – у вас.

Ничего внушительного не нашла, что на это ответить.

– До свидания.

Прошло часа два; Бодрость духа пропала; и решила сжечь запись всего допроса за два дня – а вдруг опять придут искать что-нибудь... Один из приятелей – Яков – читал те записи, сказал: «Ни одной фамилии не назвала. Как удалось?» – «Не знаю. Как-то удалось избежать, найти какие-то слова, за которые не зацепиться...» – «Хорошо. А ведь пришли на обыск такие чины! По особо важным делам...».

Очень жаль, что сожгла. Обыска больше не было. Часть вопросов-ответов выпала из памяти, хотя помнится все до сих пор ясно.

Вскоре встретила того, кто был на рыбалке. – «Анна, извини меня, я не был на рыбалке. Говорил через закрытую дверь сам. Испугался. Меня ни разу не вызывали. Значит, не говорила, что знакома со мной, что мы с Яковом тебя познакомили с Сидорченко».

Да, хорошо, конечно, что не назвала никого, кто в курсе моих дел с А.С. А откуда, действительно, та сумка с книгами в моем шкафу?

Опять же случай.

В 1981 году на курсах повышения квалификации возник вопрос – не нужно ли убрать из программы 12 класса «Поднятую целину»? – Пока преподаватель готовилась к ответу (между прочим – этот преподаватель – мать Б.Цилевича – депутата), я вставила реплику – «И „Судьбу человека“ тоже».

В зале – шумок... Лектор: «Пожалуй, коллега права».

Закончилась лекция. Во время перерыва подошла одна ко мне: «Как вы неосторожно! Найдутся больно ретивые...»

Потом подошел Борис Равдин. Разговорились о Высоцком. Прошли годы. Наступил 1984 год, февраль. Бывают же курьезные случаи!

Как-то Б. Равдин говорит мне: «Как говорится, все явочные квартиры в обыске. Нельзя ли временно оставить у вас сумку с книгами?

– Конечно, можно.

– Вы можете брать из нее все, что хотите, читать, но всякий раз закрывать сумку.

В феврале этого же года приехал А.С. Сказала ему, что уезжаю в Лиепаю, что он может переночевать ночь и уйти – мама не должна с чужим человеком оставаться. Он согласился. Попили кофе. Он говорит: «Погадай мне на кофейной гуще. Есть ли там для меня дорога дальняя...» (Собирался в Москве перебраться в Американское посольство). Гадаю. А кофейная гуща показала – решетку и дорогу. Говорю: «Будет тебе дальняя дорога, только куда – не знаю. – Вот и славно, удастся мне скрыться от моих преследователей!»

Это был последний приезд его – до 1989 года.

Поверила своему гаданию – была же решетка. Так было жаль его!

И вдруг как снег на голову, в апреле – обыск у меня. Вопрос о сумке застрял в голове – что скажу? Чья? Тысяча вариантов – и все не нравятся – обязательно возникнут побочные вопросы, и легко можно запутаться... Так ничего и не придумала.

И вопрос о сумке был задан. От неожиданности или от ожиданности – быстро ответила – Не знаю. Так и пошло потом – каждому следователю так и говорила.

Козырь был хороший – уезжала в Лиепаю!

Оказывается, в марте был арестован А.С. Сбылось мое гадание – дальняя дорога – был он отправлен в суровую Казанскую тюрьму. Говорили его жене: «Поправитесь – продлим лечение».

Вернулся он в 1989 г. В мае того же года встретились с Анатолием – он приехал в Ригу. Рассказал о себе. Закончил книгу «Прометей мятежной песни»; черновой ее вариант он в 1981 г. отдал Б.Мессереру, другой экземпляр – актеру Л.Филатову. Отметила в этот раз – тот же интерес к литературе, но он, Ан. С., показался мне «поврежденным».

А вскоре – неожиданный крах мощной державы. «В куски разлетелася корона. Нет державы...».

Но до 1991г. еще был 1985, 1987, когда снова будут мои встречи с КГБ.

Все вспоминаю – день и час, и даже миг, и воскрешаю бывшие волнения...

1984 г. Казалось, все прошло; уж осень наступила. 10 ноября – визитер из Органов.

Повестка: явиться 11 ноября к 12 часам в Московский городской суд в качестве свидетеля по уголовному делу Ан. Сидорченко.

– Не опоздайте! Сегодня же езжайте.

Ехать? Конечно, нет! Там еще вдруг прихватят.

На следующий день звонок: почему не уехали?

– Купите билет – поеду.

– Завтра к 11 часам будьте в КГБ.

Утром взяла зубную щетку (на всякий случай), пришла, звоню на 1-м этаже – явилась.

– Сегодня отменяется.

Попугать им надо немножко, хотя бы на ночь... Думаю – теперь прошло все. А летом дважды прослушивали мои экскурсии по городу; первый раз – по плану, все хорошо. И вдруг – снова прослушивание.

Когда едешь в автобусе из порта по набережной, необходимо вести разговор о новом здании ЦК КПЛ на ул. Кирова и о памятнике Герою Социалистического Труда – А.Пельше! Но мне нравилось в этот момент говорить о другом – о поэте Н.Рубцове. Молоденским, он приехал в Ригу, чтобы устроиться на работу в порту – хотел идти в море. Ему это не

удалось... И идет он по набережной, на судне слышна песня «Купите фиалки...», а ему слышится – «Купите фуфайку!» – денег у него не было, чтобы уехать...

В конце экскурсии проверяющая говорит: «Все интересно. Но у меня важное замечание – вы ничего не сказали ни о здании ЦК, ни о Пельше... Я должна об этом написать в отчете, но на этот раз делаю устное замечание – рассказ о поэте меня увлек».

Что же еще в памяти? Ноябрь 1987 г.

С 1982 г., несмотря на шквал смертей генсеков, органы КГБ старались сохранить свое могущество. Уже нет Брежнева, Андропова, Черненко... КГБ действовало решительно: наказывало правозащитников, инакомыслящих, лишало советского гражданства известных деятелей культуры (М.Ростропович и Г.Вишневская, Ю.Любимов, нескольких писателей). Напряженность в стране была и в годы Перестройки 1985-1987 гг. при Генеральном секретаре КПСС М.Горбачеве.

1987 г., 23 августа у памятника Свободы – народ. Наш учитель истории Валдис Туринс с плакатом – «Договор Риббентропа-Молотова – народу!»

Минуты две-три с этим плакатом. – Тут подбежали люди в штатском, хватают плакат (а Валдис высокий – надо дотянуться до него), Валдиса – в машину. Пробыл у них несколько часов.

25 августа – городской августовский семинар учителей Риги. На сцене – президиум – секретарь комсомола города – Чеверс, токарь с завода ...

В первом ряду в зале – сотрудники... Выступает Чеверс: «....таких учителей, как Туринс, нельзя допускать к нашим детям...».

Еще с подобными характеристиками выступил несколько человек, особенно возмущался – токарь. Спокойно слушать эту дребедень – невозможно. Встаю, иду в центр прохода (не к кафедре) и громко: «Побольше бы таких, порядочных, как наш учитель! Неравнодушных к учительской работе, знающих отлично свой предмет так, как Туринс!» И захлопала (неожиданно для себя) – Сзади – зал хлопал! Прекрасно!

Перерыв. Ко мне подошла коллега (в 1960-1961 гг. вместе работали в школе). «Смотри, вон тот в первом ряду – бывший мой ученик, полный болван, приходил в 1984 г. к нам в школу, интересовался твоей работой. Что мы могли сказать, кроме хорошего...».

Наступил день 1 сентября. Валдиса в школе уже нет. В октябре дали работу в другой школе: предмет – химия! Потом – география...

7 сентября вызывает меня директор.

– Сейчас звонили из КГБ, спрашивали, работает ли еще А.В Груздева?

Спрашиваю: «И все?»

– И все.

В ноябре в кабинете завучей (2-й этаж) мне говорят: «К нам придет практикант. Может, к вам его направить?» – «Мне все равно, направляйте».

Вышла и спускаюсь на 1-й этаж. А баба Нина (дежурная, гардеробщица – всегда все знает!) говорит:

- А вас сейчас спрашивал молодой человек.
- А как он спросил?
- Назвал имя, отчество, фамилию.
- А сейчас он где?
- Пшел в кабинет директора.
- Спасибо, баба Нина!

Интересно, только что мне сказали, что придет практикант, к кому его прикрепить? – а он уже знает, к кому! Значит, опять проверка, – подумала я.

Ему нужно провести уроки по русскому языку, по литературе и один классный час. Предупреждаю его:

– Классный час надо очень хорошо подготовить. Ученики любят темы по искусству.

Практикант:

- У меня просьба – можно, я не буду проводить уроки по русскому языку?
- Можно (вероятно, в русском языке он не силен).

Старался парень. В конце принес дневник.

– Мне нужны оценки за все проведенные уроки и классный час.

Выставила – по литературе – пятерки и четверки, классный час – пять, русский язык – четверки.

– Поставьте хоть одну-две пятерки по русскому языку.

– Нет, не могу. Вы ведь ни одного урока не провели! Четверка – очень хорошая отметка! Будьте довольны этим!

Конец полугодия. Сижу в кабинете, выставляю оценки, подсчитываю пропуски уроков. Пришел практикант. Кладет на стол красивую розу, коробку конфет. Сел напротив.

– Спасибо вам! Мне хорошо работалось! А отметки Вы все выставили правильно. (Что значит – правильно выставила оценки? Не знаю.) Доволен знакомством с Вами, мне было интересно

– А вы из Органов? – спрашиваю.

– Да. Я и жена работаем в НИХ. А как вы узнали?

– Учусь у вас узнавать!

– С Новым годом! Спасибо и до свидания.

Вот теперь закончился ЦИКЛ знакомств с Органами.

В 1990 г мне вручают на Педсовете медаль «Отличнику народного просвещения» (Tautas izglītības teicamnieks) со словами «...медаль должны были вручить в 1985 г. Вот так долго шла до нас....».

Конечно, тогда, после 1984 г., не могло быть такого поздравления, награждения. Лежит медалька в коробочке.

Вспомнился случай 1986 г. Получаю письмо из Москвы. Пишет подполковник, без гуманитарного образования, интересующийся творчеством В.Пикуля: «...по словам Ю.А.Ростовцева, вы начали собирать материалы о писателе ранее меня. Надеюсь, что у вас есть что-либо интересное для меня».

Удивительно! Не может того быть, чтобы Ростовцев так говорил ему – ведь до Ростовцева я не знала, не видела В.С.Пикуля! Именно Ростовцев меня и познакомил с творчеством писателя... У Ростовцева-то и есть материалы, но не у меня. Однако, подполковник прибыл в Ригу. Нового, для него интересного, он у меня не увидел.

Ясно мне стало – в моей записной книжке был рабочий телефон Ростовцева. ИХ интересовало – какая связь между нами (так я думала). А какая у нас связь? – беседы о литературе, о творчестве Пикуля.

Вот такие находчивые, инициативные сотрудники Органов.

* * *

Запрещенные книги, чтение их, хранение, высказывания.... Мне иногда говорят – это же страшно, могли наказать... Откуда у вас мысли о несправедливости в стране, в нашем обществе... Конечно, страшно, никому не хочется лишаться воли.. Но мы – советские – патриоты! Этот патриотизм – с детства! – «У советских собственная гордость: На буржуев смотрим свысока», – писал поэт.

В 4-ом классе учительница говорит: «Дети, дома заклейте портреты в учебнике; эти люди – Тухачевский, Якир, Егоров... не герои Гражданской войны, это – враги народа!» – Что творилось в классе! Своими ручками с перьями крушили страницы книги, чтоб не видно было этих предателей!

В 7-ом классе возмущалась: «Почему Геру Шеффера не приняли в комсомол? Он лучше всех знает Устав комсомола!» – В Райкоме одна вывела меня в коридор:

– Больше сюда не приходи. Он – немец (шел 1949 г.).

Как это понять мне тогда? Так и остался вопрос о несправедливости неразрешенным.

3-й курс – 1956 г. – XX съезд КПСС. Реабилитированы «враги народа». Тут и вспомнился 4-ый класс и 7-й. Потом – радиоголоса... Так и хотелось помочь несчастным – а как? А так, как в 1981-м, 84, 87-м годах. До сих пор жаль ту подаренную учеником книгу со словами «Дарю надежному человеку». А надежный человек не сохранил книгу, не удалось... Жаль, что не помню фамилию того ученика. Спасибо за добрые слова и подарок, Федор!

«Кто имеет ухо, да слышит...»

*Сей на благой земле, сей и на песке, сей
на камне, сей при пути, сей и в тернии: все
где-нибудь да прозябнет и возрастет, и
плод принесет, хотя и не скоро.*

Серафим Саровский.

Работа.

Как-то одна коллега спросила: «А не беспокоило вас то, что знакомы были с иностранцем? – «Нет. Это знакомство – легкий флирт». Дома – ничего импортного, кроме тонких колготок – в Риге таких нет, кроме зонтика. Другое дело – запрещенные книги.

Правда, трижды приходили ко мне в 80-е годы неизвестные в «желтых» ботинках. У Булгакова в «Зойкиной квартире» Аболянинов говорит Неизвестному: «Простите, к смокингу ни в коем случае нельзя надевать желтые ботинки». Обычно у Сотрудников (как и у военных) – носки – хаки, светло-коричневые ботинки. У «моих Неизвестных» – тоже такие; разговаривала с ними соответственно. Что их интересовало? – Какая связь у меня с иностранцем, французским гражданином. Предлагали – «может что передать ему – можем». Мой обычный ответ один – ничего не надо передавать, нечего. Занята так работой, что их визиты не волновали. Работа – это жизнь. Кроме уроков – внеклассные мероприятия. Сколько раз возила учеников на экскурсии, рассказывала на тематических занятиях о том, что видела... Однажды говорю, что видела соратника Сталина К.Е.Ворошилова. Это было в Сочи, на горе Ахун. Все вдруг кого-то окружили. Смотрю – Ворошилов! Спрашиваю: «Как ваше самочувствие?» (Нашла что спросить! Недавно Партия отметила как антипартийную группу – Молотов, Ворошилов ... и примкнувший к ним Шепилов...»)

«Что?» – спросил он. Повторила вопрос. И тут неожиданно подошел высоченный парень: «Климент Ефремович, Вам пора!» – И – как сквозь землю оба провалились – нет ни машины, ни их.

А подошла я к этой группе потому, что интересно было увидеть человека, о котором мы читали в учебнике, пели песню – «Климу Ворошилову письмо я написал: товарищ Ворошилов, народный комиссар...». Перед нами стоял маленького роста комиссар в белой вышитой рубашке-косоворотке, в чесучовых бежевых брюках.

Побывав в горах Кавказа, советовала – пока молоды – идите в горы! Ведь «лучше гор могут быть только горы!» – Поднимешься на высоту

3800- 4200 метров, мороз – 17⁰ – в июле! Красота невыразимая! В 5 утра – солнца еще не видишь, но все пики гор – Эльбрус и Казбек, Чегет... будто раскрашены так, «что даже в спектре солнца такого цвета нет». А вечером идешь вдоль реки Баксан – тишина...

Выхожу один я на дорогу... И звезда с звездою говорит...

А как не побывать в Крыму! Горы, древние города – Херсонес – столица скифов, Бахчисарай! А в Киеве – Музей микроминиатюр; непременно надо его посетить. Мастер Сядристый! Вот ветка хризантемы – 99 лепестков; на одном – ноты «Полонеза» Огинского!

А Золотое кольцо России!

А Париж! «Париж для того, чтобы ходить по нему, глазеть на него, изумляться...».

Зайдите в Греческий квартал (рядом с Латинским) – на окне надпись: «Здесь говорят по-русски». Сядьте за стол, закажите:

Греческий салат.

Musaka (мясо с баклажанами).

Паклава (с орехами и медом).

Вино с о. Крит – Vin de crete Kourtaki Rouge Sec.

Скажите веселому хозяину (жил в Риге) «мерси» и езжайте домой.

Сколько хватит сил, денег – езжайте, смотрите!

Недавно встретила маму бывшего выпускника из гимназии «Золитуде» Владика Ш., выпускника 2002 г. Говорит: Влад вспоминает вашу поездку в Петербург, куда вы их водили...

Как не вспоминать. Вот мы в Музее Истории блокадного Ленинграда. Состав блокадного хлеба... Кипяток – 1 литр на человека – 3 копейки...

А знакомство с городом, с местами литературных героев, музеи...

А покатавшись на катере вдоль Тавриды от Ялты до Феодосии, увидишь, и расскажешь, и покажешь, хотя бы иллюстрации...

*Растянулся на просторе
И на солнных берегах,
Окунувшись морду в море,
Косо смотрит Аюдаг.*

Так писал А.К.Толстой, один из создателей Козьмы Пруткова.

Здесь же побываешь в местах, где жил М.Волошин. – «Кто хочет поэта постичь, Должен отправиться в сторону поэта».

А литературные места в Ленинградской области!

*Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса,*



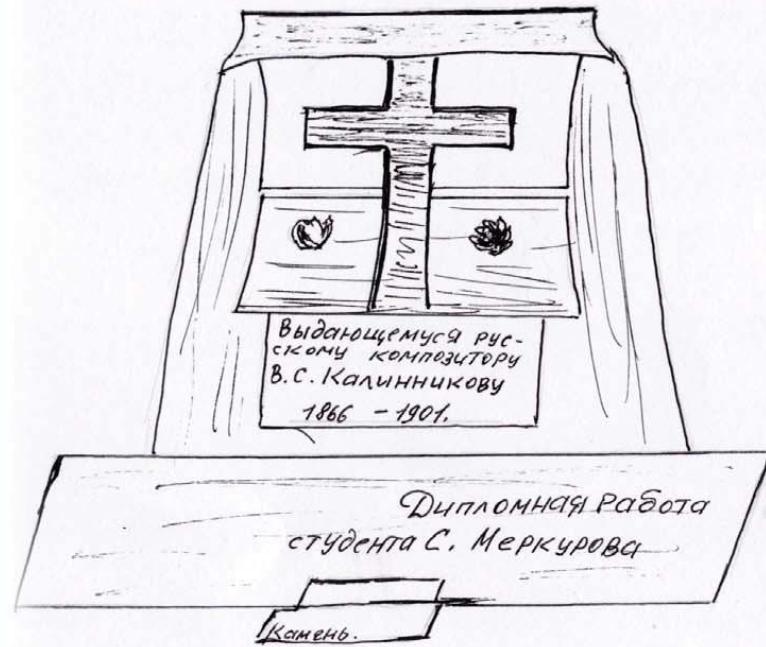
Поликуровский
мемориал.

Ялта.
Поликуровская
гора.
Могорчакское кладб.



Теряя классного
гаса -
живопись.
Природа.
Рис. художника

Ялта (1985).
Поликуровское кладбище (Массандра) -
мемориальное.



Тема уроков -
Ф.М. Достоевский.
Наставник ери в мастер-
ской скульптора Сергея
Меркурова.
Дополнительная иллюстра-
ция - этот рисунок.

г. Ленинград. Экскурсия (11 класс).

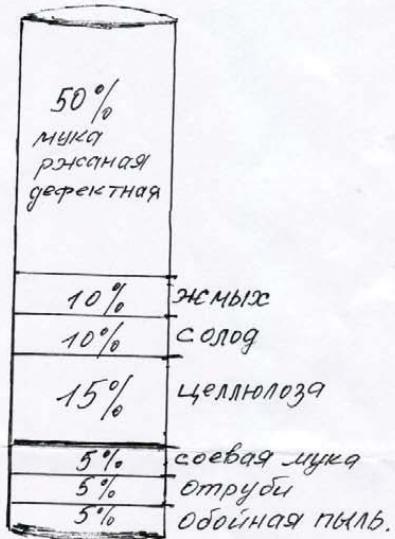
Музей истории блокада города.

Состав блокадного хлеба.

С 20/XI-24/XII. 1941г. получали

личинско-хлебную норму хлеба:

рабочие - 250 граммов
служащие, изжевенцы,
дети - 125 граммов.



На этой доске

резали хлебушек.

И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.

Гатчина, Суида, Выра, Кобринно, Батово..... Едешь в Батово вдоль реки Оредеж – по берегам кустарники, черемуха, вспоминаешь В. Набокова:

Но сердце, как бы ты хотело,
Чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела,
И весь в черемухе овраг!

Если ехать из Риги в Петербург автобусом, сказочную картину увидишь – извижающаяся, зеленая от кустов Оредеж, черемуха... Конечно, вспомнишь детство, юность писателя... И что интересно – смотришь на эту красоту, вспоминаешь живших здесь писателей, поэтов, их стихи – и волнуется душа до слез...

А на уроках рассказываешь об этом, показываешь иллюстрации, и наступает тишина, какая бывает в ожидании откровения... «Кто имеет ухо, да слышит...». Многое услышали, узнали слушающие, слышащие ученики. Во время одной из встреч с выпускниками прочитала стихотворение Морица Гартмана «Белое покрывало», потом – отрывок из «Романа о девочках» В. Высоцкого. Тут Ольга З. сказала: «Я поняла, чего мне не хватало эти годы после школы».

Такие встречи незабываемы. У многих замечательные дети – маленькие и уже совсем большие. Язеп про своих говорит: «Один у меня – умный (живет в Люксембурге), другой – красивый (живет в Риге)». Ученики – родители состоятельный, все работают, иные продолжают постигать науку (Зорич, Федоров, В...), Юрий – дьякон... Верно говорит пословица: «Работа любит не молодца, а незалежливого». Вот такие у нас бывшие ученики – незалежливые!

«Как трещина на белом абажуре, неизгладима память о разлуке! (Такубоку.)

Козьма Прутков говорил: «Магнит показывает на север и на юг, от человека зависит избрать путь жизни хороший или дурной».

Последние мои занятия в школе – март 2012 г.

Хотелось бы, чтобы мои ученики научились «верить, надеяться, терпеть, прощать и любить» (заповедь старцев Оптиной пустыни).

А с другой стороны... Класс мастеров – взрослые люди... Объясняю происхождение письменности, рисую на доске Письмо. В древности писали рисунками. Лодка, в ней люди, и Зимородок – птица-предвестница... Навстречу – другая лодка, в ней много людей, что-то

еще... Предлагаю «прочесть» это письмо. Пытаются... кое-что понятно: птица сообщала о приближении врага...

Вдруг вопрос: «А левой рукой можете?» – «Не поняла вопроса?» – «Кажется, что вы все знаете и умеете...». Ошибочное мнение! Чем больше читаешь, учишься, тем больше убеждаешься, как мало знаешь.

* * *

Что-то воздух какой-то кривой...
Дм. Пригов

Есть ли сегодня высокие моральные принципы? Ответственность, честность, патриотизм, чувство долга перед родителями, страной?

Нынешний секулярный мир освобожден от церковного влияния, какое было раньше. Значит, влияние на человека должно быть в семье, в школе. В основе воспитания – любовь и уважение к другим. Вот классный час. Тема – ненормативная лексика.

Когда же появилась ненормативная лексика? В каких условиях можно было пользоваться ею. Считалось, что сквернословие наказуемо. Кара настигнет сквернослова.

Объясняю слово, сейчас чрезвычайно популярное не только среди учеников, но и у педагогов – блин. Говорят, совершенно не думая, – а почему ОН, а не то, что это слово значит? Говорю: блин – это слово начинается на букву «б», вы его все знаете. Это ненормативное слово. Ученики удивлены! – Да, и даже это не брань, а мат. Есть слова бранные, разговорные, литературные, мат, просто лишние.. Эти лишние слова – от скудости лексикона:

Супер красиво, супер модно, супер гадко, супер звезда, супер негодяй, парень – просто супер! Сократ писал: «Заговори, чтоб я тебя увидел».

Поговоришь даже с малышом и увишишь, из какой он семьи.

Один из мощных рычагов культуры – стыд. Была одна ученица, которая говорила, что ей никогда не бывает стыдно. Душа человека включает в свою структуру – стыд, совесть, предчувствие – независимо от разума!

Сквернословие, блуд – обязательно откликаются в жизни бедами. Мат – это сакральная лексика. В древние времена использовалась в религиозных обрядах, в таинствах, шаманствах. Такая речь сильно действовала на психику человека, поэтому были каноны, которые строго соблюдались: произносились слова магически – в определенном месте, в небольших обществах... Однажды мне посчастливилось увидеть шаманство. Это было в Туве. Тувинцы сидели вокруг, в центре – экзотический шаман! Яркий бубен и голос его низкий, то произносил слова, то почти пел... Мы с подружкой сидели за кустом, чтоб нас не видели, и с любопытством



Тыва. г. Кызыл.

шаман

смотрели на действия шамана: он то подпрыгивал высоко, то прыгал в сторону или останавливался в полусогнутом положении – смотрел будто на кого-то....Было чрезвычайно беспокойно мне, но интересно. Нас увидел кто-то – подал знак – уходите! Убежали.

Наказание свыше – неизбежно, если пренебрегаешь нормами поведения.

Не отличают люди мат от брани; на одном уровне то и другое. Мат – даже у девушки! Как моль! Везде без надобности. Отошел человек от нормы – кара настигнет. Говорю, как писатель А.Вампилов возмущался: «Когда же успокоится эта ЛУЖА!», т.е. – озеро Байкал – самое глубокое в мире, загадочное! Когда дует баргузин – ветер – лучше не выходить на лодке – эта «лужа» проглотит. Так эта «лужа» и погубила Вампилова за свое оскорбление.

Надо выбирать свой путь разумно. А.Твардовский писал:

Как в 20 лет силенки нет, –
Не будет и не жди.
Как в 30 лет рассудка нет –
Не будет, так ходи.

Читая классическую литературу, человек трудится: о чем говорят герои, почему... Работает ум и душа. Вот идет воспитание воли, души.

И с каким речевым богатством, в какую жизнь пойдут ученики, будет от них польза, вред или пустое место – зависит и от уроков литературы, экскурсий, рассказов – чем и занималась, работая в школе. Хочется надеяться, что труд этот был не тщетен.

* * *

«А память священна!..», – писал Роберт Рождественский.

Сейчас, если на уроке говорить о писателях, поэтах конца 20 века, необходимо пояснить – почему у них была какая-то позиция, за которую можно было быть наказанным: не допускать в печать, например. Без знания «мелочей» жизни «нет понимания истории», – писал Л.Толстой.

Эти воспоминания – взгляд на нашу жизнь в советской стране.

Мощная была идеология. Мы – пионеры были воспитаны патриотами! Верили в идеалы, подражали им...

Мой рудник Балахчин постарался в воспитании нравственности – культура быта, труд, вера в справедливость, в мудрость КПСС, комсомола... Помню 2-й класс. Вероятно, на уроке шла речь о шпионаже (их, нам говорили, много! на фронте, в тылу...). Нам говорили: «Будьте бдительны!» Вот идем мы с подружкой из школы, смотрим по сторонам... «Гляди, похож на шпиона?» – «Нет, у него сапоги драные». Как определяли мы шпиона – трудно представить... Но эта «бдительность»

осталась. Часто по интуиции обнаруживала «воришку» в классе или наоборот – оправдывала его.

Году в 89-ом в 12-ом классе событие. В книжном шкафу среди прочих книг – моя – «Преступление и наказание» с закладками, необходимыми для урока.

Понедельник. Захожу в кабинет, как обычно – смотрю на книжную полку – нет моего «Преступления!» Подхожу – нет, стоит на месте, но без кожаной обложки. Книге обрадовалась, но какой дурачок снял обложку? Зачем? ... В пятницу было в кабинете четыре класса – 10, 11, 12. Кто и из какого класса взял? По логике – кто-то из 11 класса, т.к. это программное произведение. Но решила – это из 12 класса. Танька! – хорошая девушка, сидит за первой партой, читающая... Но это ОНА! Вот заходит 12-й класс. Говорю: «В пятницу из кабинета исчезла одна вещица. Ее взял человек из вашего класса».

Тишина...

– А этот человек сегодня есть на уроке? – спрашивает один парень.

– Есть.

Тишина, тишина. И вдруг громко Таня говорит:

– Вы, может, думаете, что это я взяла?

– Да, Таня, ты.

– Как вы можете так говорить? Ничего я не брала! (Повозмущалась немного).

– В таком случае я должна сказать твоей маме.

– Ну и приглашайте ее! Испугали!

Позвонила, мама быстро пришла.

– Ваша Таня взяла обложку кожаную от книги. Но дело не в этом. Как она могла?

– Моя дочь не могла этого сделать! Она не курит, не выпивает...

– Нет, Таня курит.

– Не может быть!

(Открываю дверь в класс – Таня, выйди, пожалуйста, в коридор с сумочкой).

– Таня, я маме твоей сказала, что ты взяла обложку и что ты куришь.

– Таня, ты ведь не брала и не куришь, – сказала мама.

– Мама, я взяла обложку и я курю, вот мои сигареты (открывает сумочку – там сигареты.) и иногда выпиваю... А.В., завтра я принесу обложку.

Завтра наступило. Начался урок. Таня опоздала минут на 5. Заходит, смело идет мимо моего стола, кладет вежливо обложку: «Вот, А.В., Ваша вещица».

Не знаю, что тогда думали ученики...

В середине урока Таня спрашивает: «А как вы узнали?»

Рассказываю: «Когда прозвенел звонок с урока, все вышли, и я – с журналом пошла в учительскую». В это время Ира стоит на «стреме» (наблюдает – нет ли кого в коридоре), а ты, Таня, снимаешь обложку.

Ира: «Но в коридоре никого не было! Я в дверях стояла, как Вы сказали.

Таня: «И когда мы вышли – никого в коридоре!»

– Это мой секрет, – сказала я (не представляю – почему решила, что это танина работа.)

Прошли годы. Однажды на улице окликает меня кто-то. Передо мной – высокая, стройная девушка. Не узнаю.

– Не узнаете? Да Танька я! Помните «Преступление ...»?

– О, как ты подросла! Обнялись, расцеловались, посмеялись...

Не обиделась, оказывается! Тепло встретила. Может, тот урок жизни стал полезным...

Несколько подобных случаев было. Меня приглашали работать в милицию – зарплата больше, бесплатный проезд. – Нет, не могу – не люблю погоны – отшутилась.

Мне несколько раз говорили – напишите, вспомните, ведь это наше ушедшее время, было много интересного... Мы тоже жили в то время. Многое видели, слышали, но ваши воспоминания – это разговор об увиденном, о том, что лично было в вашей жизни, а главное – поступки, отважные

Если отважные, то это все из детства. Сочувствие, соучастие – это естественное состояние человека. Время было такое... Исторические события – коллективизация, Вторая мировая война коснулись каждой семьи... В послевоенное время тоже погибали люди, страдали семьи, но не все население знало об этом... Многие говорили о том времени: ...я бесплатно получил(а) образование! Всегда была работа... Жили вполне благополучно.

А о судьбах узников знали только родственники, близкие друзья. В 60-80-е годы узнавали слушатели зарубежного радио. И только в Перестройку, с 1987 года, журналы печатали ранее запрещенное. Что творилось! Журналы раскупали вмig! В библиотеках – очереди на них. «Новый мир», «Нева», «Дружба народов», «Звезда», «Наш современник».... И каждый день – открытие – вы читали рассказы В.Тендрякова? А роман В.Дудинцева «Белые одежды», а Д.Гранина «Зубр» – о генетиках СССР. А «Реквием» А.Ахматовой? А Твардовского «По праву памяти»? И т.д. А фильмы – Абуладзе «Покаяние», в театрах – А. Гельмана – «Премия» – о чем? – «Есть зыбкая мечта – жить по совести!» В одном из журналов – ранее не публикованное стихотворение О.Берггольц:

*На собранье целый день сидела –
To голосовала, то лгала*

*Как я от тоски не поседела?
Как я от стыда не померла?..
Как мне наши праведники надоели,
Как я наших грешников люблю. (1948 – 1949 гг.)*

1987-1988 гг. – самые интересные! – шквал настоящей литературы, театральных постановок, фильмов... На этом фоне – единение людей... Но это было недолго. После краха державы жизнь резко изменилась.

XXI век. Последний выпуск 12 классов – 2007 года (34-я школа, английская).

Последний год работы – 2009; потом – замещения до 2012 г. в гимназии «Золитуде». Теперь помогаю ученикам готовиться к экзаменам. Сегодня сдает экзамен по русскому языку и литературе за 9 класс (34 школа.) Эльвира – девочка «музыкальная», а читает мало, к сожалению.... Умница и красавица. Сегодня она, вероятно, расскажет (свободная тема – устно) об эпохе – царствование династии Романовых, об одном из них – Александре III.

Вчера составляли план рассказа. Хочется надеяться на благополучную сдачу этого экзамена (если не будет много орфографических ошибок в письменной работе).

Если свет души литературных героев, иных учителей помогает кому-либо из учеников, – уже хорошо.

Почему-то иногда вспоминается один урок в 12 классе: ребята решили на этом уроке поздравить с днем рождения одного неаккуратного одноклассника, и выходит он к доске, чтобы принять поздравление: услышать хорошие слова... Поздравляющий открывает упаковку, произносит: «...Поздравляем тебя с рождением и дарим ДЕКТАРНОЕ МЫЛО – оно отмывает хорошо грязь, уничтожает микробы; надеемся – будешь им пользоваться...». Он молчит. Взял подарок. Пошел к своей парте. Тихо в классе. Мне было как-то неуютно, жалко парня. А в классе все довольны! Чтобы ничего дальше не произошло, быстро перешла к теме урока: «Понтий Пилат в романе Булгакова». Вопрос: кто приговорил Иешуа к смерти?

– Синедрион.

– А Пилат?

– А Пилат «умыл» руки.

И говорю: словами Венедикта Ерофеева: «С детства приучать ребенка к чистоплотности, с привлечением авторитетов. Например, говорить ему, что святой Антоний – бяка, он никогда не мыл руки, а Понтий Пилат – наоборот». Этот переход снял напряженность, и урок продолжался как обычно. На следующем занятии того парня не было. Спрашиваю: «Ребята, правильно ли и красиво ли вы поздравили его с днем рождения ...? И кто же «бяка», кто же «Пилат»? И почему я сказала о св. Антонии и Пилате?»

Ребята стали оправдываться: «Сколько можно намекать! Потом перестали оправдываться, перестали и возмущаться. Закончился урок беседой о роли Пилата в судьбе Иешуа.

Самый лучший день сейчас, на пенсии, – баня! Когда уходила на пенсию, заведующий банией и бассейном Олег с директрисой подарили бесплатный билет – грейтесь, плавайте! «На какой срок?» – «Говорю – своя рука – владыка; как хотите, так и пишите». Олег пишет: «Действителен пропуск до конца жизни».

Вот по пятницам и хожу. Кто-то говорил: «Пар, который вот только поддали, вышибает равнодушие, согласие-несогласие...».

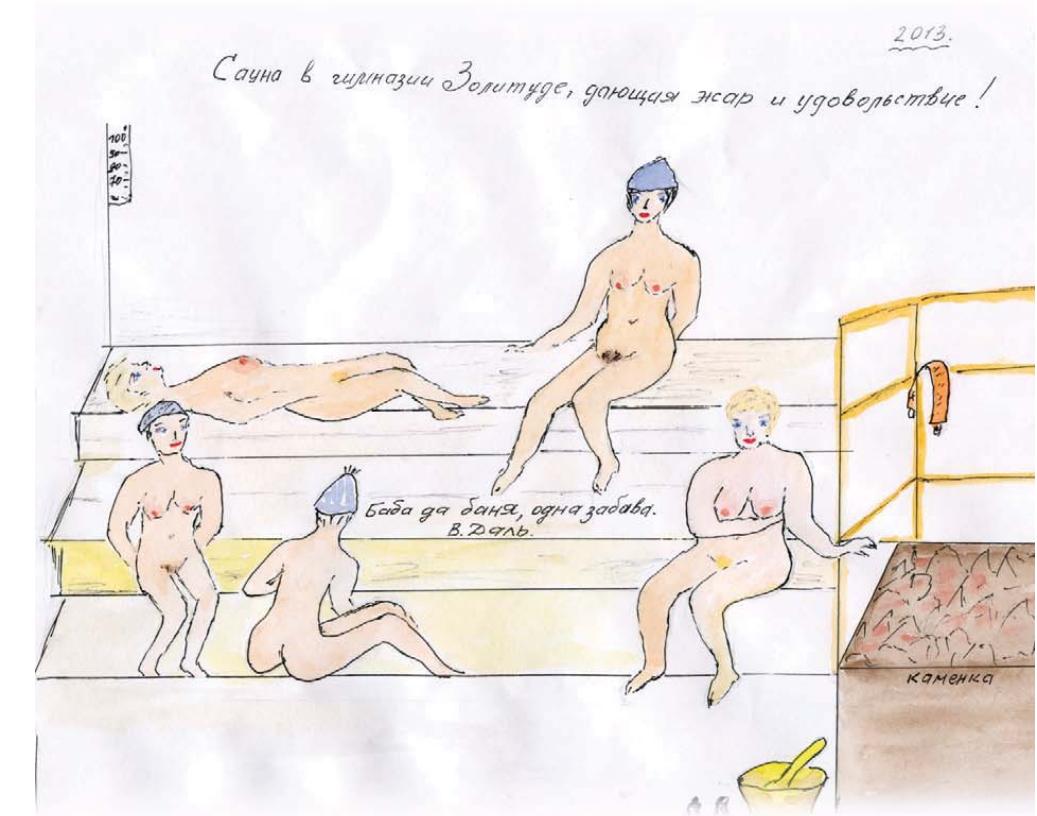
Прекрасно в нашей сауне. Погреешься – ныряй в бассейн или сиди в другой комнате, пей чай, березовый сок... тут у нас звучат и стихи, и беседы о фильмах, иногда о политике, о детях... Недавно читали большое интервью с психотерапевтом А.Алексейчиком (журнал «Rīgas laiks»). Интересный человек, когда-то его лекции слушала Ирина, наша психолог.

Об интересных людях он так говорит: «Когда человек выходит за границы среднего, – он интересен, это диагноз. По статистике – средние, посредственные – в большинстве. А чтобы быть выдающимся – за это надо платить, за это надо страдать». – «Платить чем?» – «Платить страданиями... Труд – это когда по-настоящему трудно. Чтобы достичь многоного за пределами середины – надо выстрадать. Все настоящее выстрадано». Интересное его рассуждение о депрессии или о том, что если любишь одну женщину, то все остальные тоже хороши (примерно такие слова его). Наверное, это так.

Скажу о кошках. Во дворе в конце мая появились три котенка, Кошка вся черная. Котята тоже; один, вероятно, Кот, т.к. на нем белая манишка в виде жабо и белые носочки – франт, идет такой независимый, важный, а рядом – трусливые кошечки – ни единого светлого пятнышка – в мать пошли... Такие забавные и милые! И – вспомнила своего Кота – самого красивейшего и умнейшего из всех красивых и умных – Данилу-мастера, Деника... И кошки все прекрасны!

Эти темы продолжались «две бани». Так что баня – это и омовение – разогревание, и беседы, и чаепитие. Все это дает здоровье, несмотря на нездоровье. Это про нас писал корейский поэт Чон Чхоль в XVI веке:

Я ничего не слышу левым ухом,
Я ничего не вижу правым глазом,
И заложило нос, и рот свело –
Не чувствую ни запаха, ни вкуса...
И все – таки...



Сейчас все ругают медицину: лекарства дорогие, врачи невнимательные, недостаточно грамотные... Если денег – одна пенсия (если ее заработать успел) – ходи так – хромая, слепая, – сиди дома или лежи...

Но есть порядочные, бессребреники, умные; таких немного, но есть.

Мне посчастливилось. Коллега Вита посоветовала записаться на прием к доктору А.Передистому. Без рентгена – определил – колено, плечо – проблема. Менять суставы. Он – мастер своего дела! К тому же – внимателен, строг, и человек с юмором. И коллеги его такие же.

Я. Заржецкис сказал: «Не волнуйтесь! Укольчик анестезии – и боли как не бывало!» После операции подарила ему крошечную открыточку, нарисовала крошечный бюст доктора в повязке на носу. Он сказал: «Я себя сразу узнал!», – веселый человек. Написала:

Jānisam devīze
Durienins anestēzija + gudru roku veiklība –
Un var aizmirst par sāpēm!

Еще предстоит встреча с хирургом, коллегой Передистого; я его называю «тайноменным» (пока), тоже интересный человек.

Хорошо, когда на твоем пути встречаются умные, знающие свое дело люди, да еще с юмором!

Есть среди учителей и интересные, и знающие, и умеющие ценить дружбу...

К таким отношу своих коллег – Веру Николаевну, Виту Вульфовну, Инночку, Валентину (человек с секретами), Алексея Марьина (англ. яз., гимназия «Золитуде»), Владимира Вайнберга (сейчас живет в Кельне), давнишнюю коллегу Лену К. – постоянную собеседницу.

Все это написано под влиянием Бориса Анатольевича Равдина и Ан. Ракитянского. К данному тексту Б.А предложил сделать рисунки (как прежде делала к рассказу А.П.Чехова «Ванька»). Задание выполнила. Хорошо, что сохранились некоторые записи из поездок – экскурсий. Всего, конечно, не опишешь... (Между прочим, под влиянием Б.А. освоила и печатание на компьютере). Получила от него еще «заказ», но это потом...

В библиотеке ЛОРКа постоянные посетители – всегда участники бесед на разные темы. Нина Ивановна Абызова представляет свою работу – изумительные фотографии из серии «Прекрасное совсем рядом». Талантливое открытие – зимний парк, – осень в Иманте...

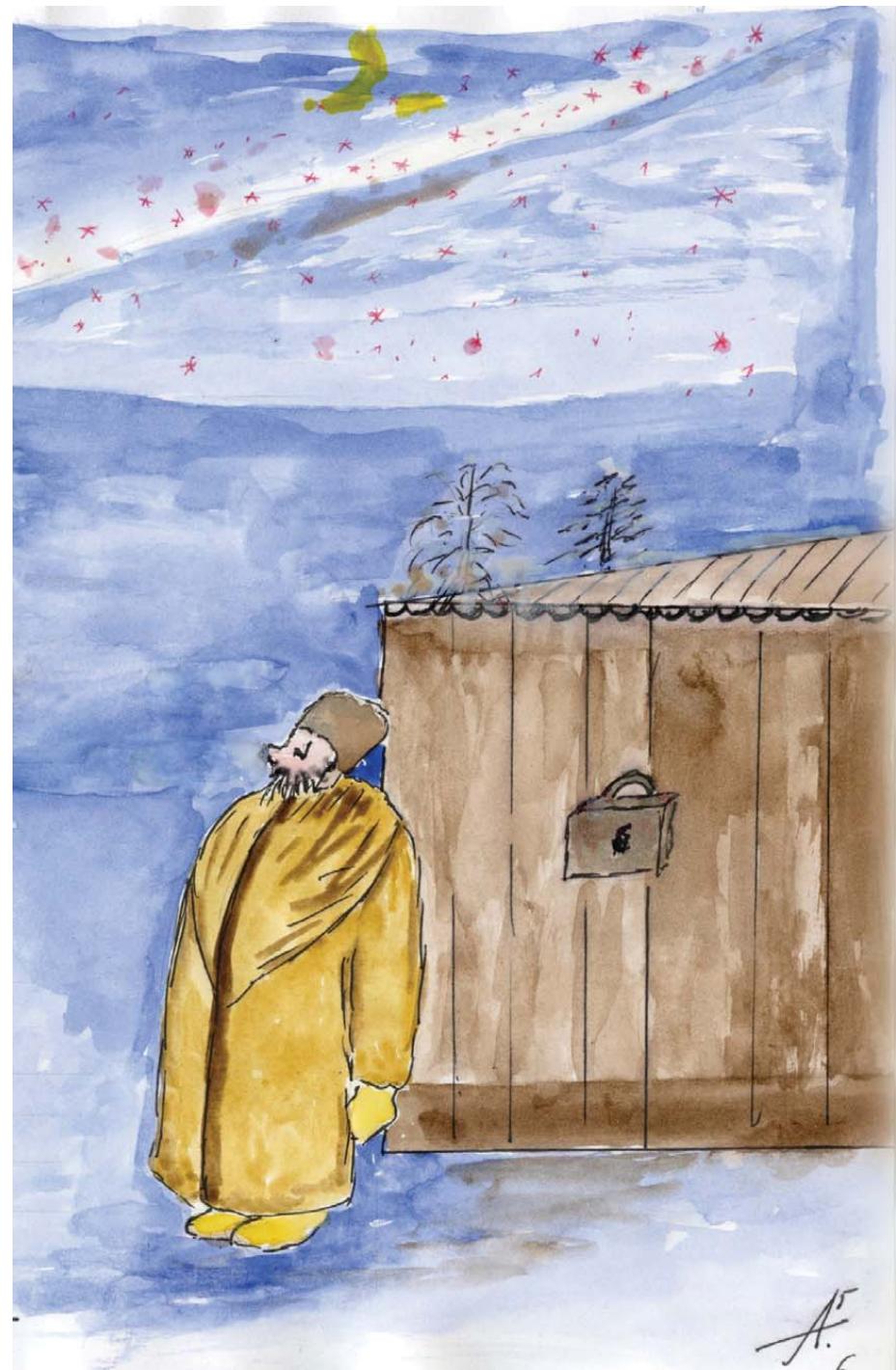
Год назад в Дни русской культуры в библиотеке было интересное мероприятие – беседы о рассказе «Ванька» А.Чехова. Необычные вопросы по содержанию и соответствующие ответы. Ученики одной школы написали о своем отношении к герою рассказа. Очень, очень интересные соображения! А выставка предметов! – колодки, колотушка, табакерка,



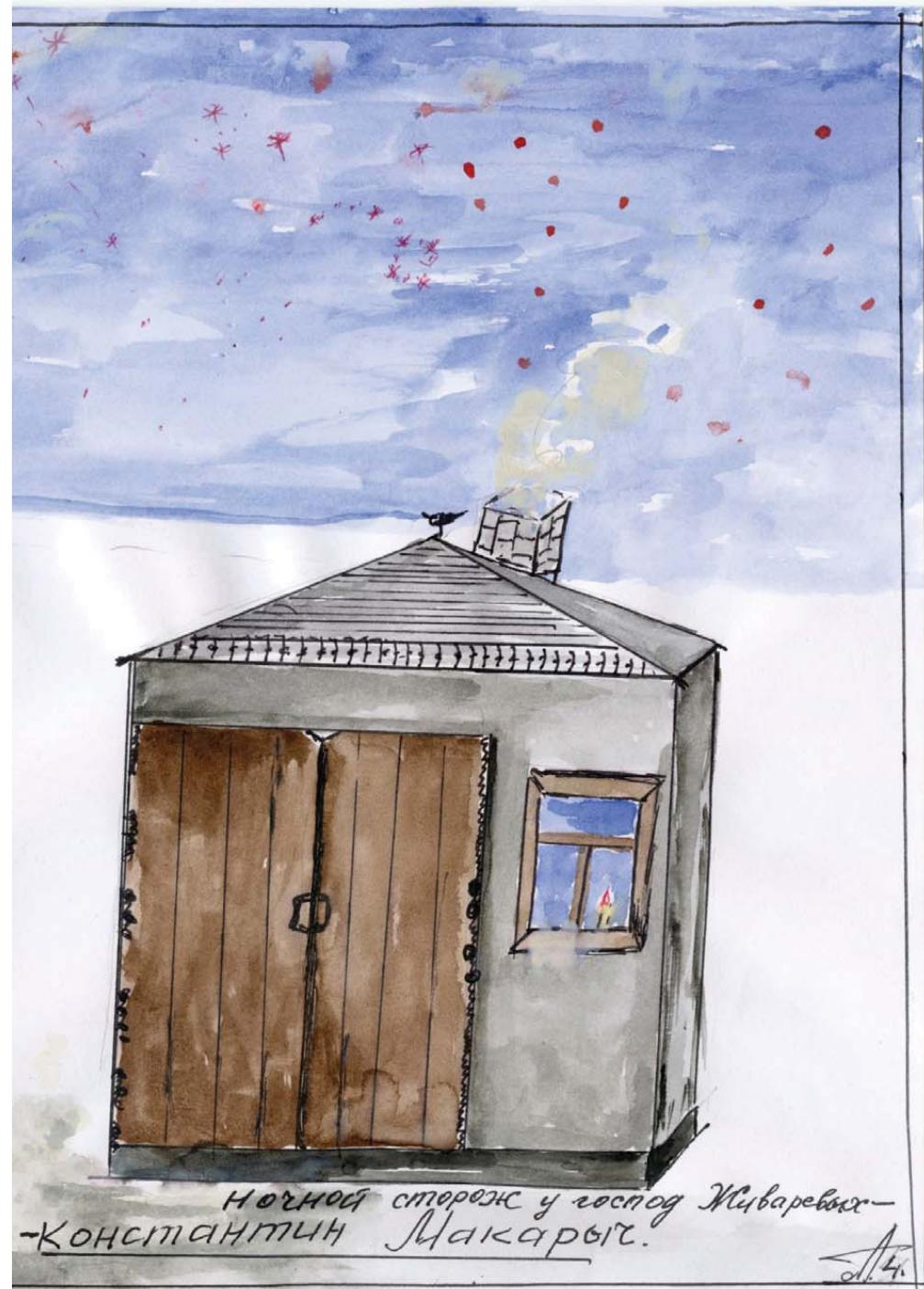
Дождавшись, когда ходева и подмастерья ушли к завтраку, он достал из ходжеского шкафа пузырёк с перьями, ружку с заржавленным пером и, расположив перед собой изящный штоф чайки, стал писать. Прежде чем выпустить первую букву, он несколько раз гуляемо оглянулся на двери и окна, покосился на тёмный образ, поблескавший на стенах которого танцующие полки с колодками, и прерывисто вздохнул. Бумага лежала на скамье, а сам он сидел перед скамьей на коленях.



Теперь, наверно, дед стоит у ворот,
и смотрит глаза на ярко-красные окна
деревенской церкви... А погода вели-
колепная. Воздух тих, прозрачен и
свеж. Ноги теплые... Всё небо усыпано
весело мигающими звёздами, и Млеч-
ный Путь вырисовывается так ясно,
как будто его перед праздником по-
мыли и помёрз снегом...



А.
15



шпандырь, сундучок, пузырек с чернилами и ручкой с заряженным пером. А на столе – снедь! – селедочное масло, грибы соленые, солонина с хреном, селедки разных сортов (в XIX веке селедка и хлеб – элементарная и дешевая еда), бараки к чаю (чай – для утоления жажды и «смытия» селедочного духа) и непременно – вода (дают ее тому, кому делается дурно – как в чеховские времена). И к этому антуражу – хорошие напитки (по вкусу).

И еще на выставке – картинки к рассказу «Ванька». Шпандырь видела впервые, его принес постоянный посетитель библиотеки – Семенов. Подобной выставки не увидишь ни в одном музее!

Организаторы выставки и всего мероприятия – Б.А.Равдин и В.С.Блюменкранц. Молодцы!

А Валерий Блюменкранц – не только знаток творчества В.Высоцкого, но и мастер-оформитель. Так, в 2013 г. в фойе театра Русской драмы – великолепная выставка: Юбилей! 75-летие В.Высоцкого, 75-летие Марины Влади, 95-летие Ю.Любимова, 85-летие В.Туманова. 70-летие М.Шемякина. Несколько дней с выставкой знакомились посетители, В.С. интересно комментировал фотографии...

Какой-то философ писал: «Память – единственный рай, из которого нас не могут изгнать».

Закончу словами К.Пруткова – «Память человека есть лист белой бумаги: иногда напишется хорошо, а иногда дурно».

Мне – 39... 60 лет.

2001 год.

Гимнаст
Задорож.
Фото ее дочери

А в старину....
Все хорошо, все
хорошо... !



СОДЕРЖАНИЕ

Край мой родной – Балахчин.....	3
Мы в Сибири, война далеко.....	23
Два года в стране Саяны.....	33
Мои учителя.....	39
Судьба.....	43
Vita Brevis!.....	46
Пригчи Соломоновы.....	60
«Кто имеет ухо, да слышит...».....	80